

ИГОРЬ ВЛАСОВ

ЛЕС

СЕРИЯ “ЗАПРЕТНЫЙ МИР”

Запретный Мир

Игорь Власов

Лес

«Accent Graphics communications»

2017

Власов И. Г.

Лес / И. Г. Власов — «Accent Graphics communications»,
2017 — (Запретный Мир)

Полгода назад стажёр космической курьерской службы Ник Соболев случайно оказался на спрятанной в космосе планете Терриус. Она очень похожа на Землю, но хранит в себе много загадок. Вместе со своими новыми друзьями Ник отправляется в Лес, чтобы найти затерянный в его чаще Старый Город, в котором каждый участник экспедиции надеется найти ответы на свои вопросы. Но у Леса свои тайны.

© Власов И. Г., 2017

© Accent Graphics
communications, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Игорь Власов

Лес

Глава 1

В воздухе мелькнула тень, на мгновение заслонив, клонившийся к горизонту багровый диск Орфиуса. Тварь оказалась большой размером с лошадь, не меньше. Ник присел, пропуская ее над головой, и с размаху вогнал в брюхо копьё. Древко с треском переломилось, и шестилап, утробно ревя, покатился по земле. Ник отбросил ненужный обломок в сторону, быстро извлёк из ножен меч и в два прыжка нагнал пытающуюся подняться тварь. Рискуя угодить под мощные удары когтистых лап, он несколько раз вонзил клинок в незащищенное чешуей горло и проворно отскочил в сторону. Тварь захрипела, в последний раз лязгнула острыми клыками и, неуклюже завалившись, испустила дух.

Ник тяжело дышал и отупело смотрел в мертвый оскал зверюги, до конца не веря, что чудом избежал гибели. Спасибо рефлексам – не подвели!

Вдруг сверху ручейками посыпалась гранитная крошка. Ник, не раздумывая метнулся за ближайший валун, вжавшись лопатками в холодный камень. Туда, где он только что стоял, грузно пружиня шестью мощными лапами, спрыгнула еще одна тварь. Шестилап шумно втянул ноздрями воздух, оскалил желтые клыки и, приняхиваясь, принялся водить из стороны в сторону мохнатой мордой в поисках так неожиданно ускользнувшей добычи. Ник, стараясь сдерживать прерывистое дыхание, скосил глаза и внимательно следил за хищником из каменного укрытия.

Эта зверюга была значительно крупнее первой – матерая, сразу видно. Нику еще не доводилось сталкиваться с подобными тварями, но подсознательно он чувствовал, что животное опытное, очень опасное, и первая же ошибка может стоить ему жизни. Их разделяло каких-то десять шагов, не больше, и было ясно, что схватки не избежать. Густая шерсть, толстыми паклями спадающая с тяжелого лба, закрывала глаза твари и не давала понять, куда в данный момент обращен хищный взгляд. Долго так продолжаться не могло – рано или поздно тварь учует его. Ник, стараясь не шуметь, поочередно вытер вспотевшие ладони о штанины и удобнее перехватил меч, готовясь к прыжку.

Вдруг за насыпью раздался резкий предостерегающий окрик, затем – шум борьбы и пронзительный крик Клео.

Шестилап на мгновение замер, высоко задрав раскрытую пасть. Густая зеленоватая слюна, пузырясь на заостренных неровных клыках, тягучими ручейками потекла на землю. Лучшего момента могло и не представиться. Ник, отбросив сомнения, выскользнул из-за валуна и одним длинным прыжком подскочил к шестилапу. Тварь в последний момент заметила движение и дернулась, пытаясь перехватить нападающего передними лапами. Но Ник, изогнувшись, ушел от смертельного захвата и сильно – по рукоятку – всадил стальное лезвие в нижнюю челюсть зверя. Меч Гора почти без сопротивления прошел через нёбо в мозг. В горле шестилапа забулькало, тварь страшно захрипела и, обдав Ника смрадом, начала медленно заваливаться на него. Ник быстро откатился в сторону, выпустив оружие из рук. Раздался шум рухнувшего тела, и наступила звенящая тишина.

Стоя на четвереньках, Ник бросил тревожный взгляд в сторону насыпи – что там произошло? В ушах продолжал вибрировать отчаянный крик девушки. Ник вскочил на ноги, торопливо дернул меч за рукоять, но его заклинило. Тяжелая башка шестилапа была неестественно вывернута: из-за перекоса мощных челюстей лезвие меча защемило. Секунду поколебавшись,

Ник ухватился руками за длинные клыки мертвой твари и, поднатужившись, вернул голове естественное положение. На этот раз меч вышел без затруднения.

Ник брезгливо стер его о штанину и уже намеревался убрать в ножны, как наверху снова захрустела галька. Он вскинул голову, цепким взглядом осматривая кромку насыпи: кто-то быстро взбирался по противоположной стороне. Ник уже было собрался отступить к своему недавнему убежищу, как на темнеющей гряде показалась всклокоченная голова Сита.

– Ник! – обрадованно заорал он. – Всё в порядке? – тут Сит разглядел безжизненное тело твари и быстро затараторил: – Ого-го! Ну ты, Ник, даешь!

А ты молодец, Ник! В одиночку шестилапа завалить – это тебе не за дымовиками в Лес-то сходить!

– Постой, Сит, – перебил мальчишку Ник. – Что с Клео? – он старался говорить спокойно, но голос предательски дрогнул: – Жива?

– Да жива, жива! – Сит ловко скатился по пологому холму вниз. – Перепугалась слегка, конечно, но это так, ясно дело, с непривычки, – он тщательно отряхнул свои выдавшие виды штаны и деловито склонился над шестилапом. – Хороший удар, Ник, – окончив осмотр, изрек мальчик. – Только вот никак в толк не возьму, как это ты к нему так близко подобраться исхитрился, а? На этих тварей, кроме как с копьём, и не ходят ведь. Вон альвар, молодец, шагов с пятнадцати прямо в глаз засадил, – Сит гордо взглянул на Ника, будто это именно он разделался с тварью. – Тот прямо перед нами прыгнул. Я девчонку-то в сторону, за валуны потащил. А она вместо того, чтоб по-тихому, как заорет! Мы все аж окаменели от неожиданности, – Сит растянул в улыбке губы. – Ну и тварь тоже, поди, такого не ожидала. Замерла вся, ну а Гунн-Терр, недолго думая, ей в глаз-то и того, – Сит развел руки в стороны: – Вот настолько копьё вошло. Если не веришь, пойдёшь сам взгляни. Шептун правильно говорил, эти твари всю дорогу за нами шли. Может, и от самого Костяного Хребта даже, – мальчишка вдруг осекся, схватив Ника за руку. – Так, Ник, дурья моя голова, – понизив голос, быстро зашептал он, – тут неподалеку, должно быть, третья где-то рыскает, – он принялся озираться, пятясь к валуну, за которым недавно прятался Ник.

– Ну, если ты вон о той, – Ник не удержался от улыбки, – то, думаю, сейчас она не опасней твоих дымовиков будет.

Сит с нескрываемым удивлением уставился на мертвого шестилапа, обмякшей грудой лежавшего в стороне. Потом осторожно приблизился к нему и с опаской потыкал копьём в опавший бок. Мальчик, видно, хотел что-то сказать, но тут сверху раздался зычный голос альвара:

– Хорошая работа, Ник! – Гунн-Терр стоял в полный рост и махал им рукой. – Поднимайтесь! Шептун говорит, что эта – последняя. Думаю, здесь на ночь и остановимся. Место неплохое. Какая-никакая, а возвышенность.

* * *

Огонь горел с веселым потрескиванием, высоко выбрасывая искры. Это был, пожалуй, первый раз за все время пути, когда они вот так, не таясь от тварей и не экономя дрова, жгли костер. Высокие языки пламени хорошо освещали место ночевки, давая помимо тепла еще и некоторое ощущение безопасности. Перед тем как расположиться на ночлег, всегда осторожный Шептун долго молчал, закрыв глаза – словно прислушиваясь. Потом протяжно вздохнул и объявил, что поблизости нет ни одной опасной твари и можно смело остановиться тут. Как он умудрялся так точно чувствовать лесных монстров, Ник не понимал. Но факт есть факт – старик ни разу не ошибся.

Взять хотя бы последний случай. Еще днем всех предупредил, что за ними по пятам идет семейство шестилапов. И даже число тварей правильно указал. Ник с Гунн-Терром спорить

не стали, хотя ни тот ни другой ничего подозрительного не заметили. Сит же сумным видом подтвердил, будто и он что-то там почувствовал. Клео только пожала плечами – мол, делайте, как считаете нужным.

По совету Шептуна решили не дожидаться темноты, а устроить тварям встречу в наиболее выгодном для людей месте. Из его объяснений выходило, что шестилапы особым умом не отличаются и обычно охотятся в темное время суток, предпочитая нападать на одинокую добычу. Но сейчас, по словам старика, они были очень голодны. Чудом уцелев во время Исхода, твари рыскали по всей округе в поисках пищи, пока не учуяли людской след.

Впереди, немного правее, охотники заметили возвышающуюся над саванной длинную, неизвестно куда ведущую насыпь. Издалека могло показаться, что сооружение – дело человеческих рук, однако, когда отряд подошел ближе, стало ясно, что это разрушенная горная гряда. Осадки и ветер за сотни тысяч лет стесали гору до основания, оставив лишь нагромождения крупных валунов и спрессованные пласты гранитной крошки.

Бордовый диск Орфиуса клонился к закату. Надо было торопиться: закаты на Терриусе короткие. Охотники решили разделиться, чтобы успеть засветло подобрать место для засады. Ник с Ситом вызвались обследовать гряду по верху. Остальные двинулись вдоль насыпи.

Быстро вскарабкавшись на гребень, Ник огляделся. Практически параллельно этой насыпи шла вторая, а между ними, извиваясь змеей, пролегало давно высохшее русло когда-то полноводной реки. Возможно, в стародавние времена здесь на многие километры тянулись глубокие каньоны.

Взгляд сразу уткнулся в несколько огромных гранитных плит, причудливо наваленных друг на друга. Сверху эта конструкция напоминала карточный домик, сложенный расшالившимся великаном. Если бы людям удалось забраться на них, то лучшего места для засады можно и не искать.

Ник обернулся, ища взглядом Сита. Мальчишка стоял еще внизу, размахивая руками. Видать, что-то выяснял у Шептуна. Альвар тревожно оглядывал округу, а Серый вообще куда-то запропастился. То ли остался внизу, то ли незаметно прошмыгнул вперед.

Ник решил никого не дожидаться и стал медленно спускаться к руслу. Под ногами, похрустывая, каменными ручейками осыпалась гранитная крошка. Ник еще подумал, что это очень даже неплохо. Когда стемнеет, шестилапы не смогут бесшумно к ним подкрасться – скрежет гравия выдаст их приближение. Если вообще, конечно, эти твари не плод воображения старика. Сам Ник никаких признаков опасности, хоть убей, не замечал. Тишь да гладь. После испытаний, выпавших отряду во время перехода к Костяному Хребту, когда словно сама природа ополчилась против них, сейчас особенно казалось, что все тревобления остались далеко позади. Ник открыл уже рот, собираясь во весь голос поторопить Сита, как по спине пробежали холодные мурашки. Спасительные мурашки. Рефлексы опередили сознание: он резко пригнулся, больно опустившись на левое колено, и наугад, не глядя, нанес сильный удар копьём...

Ник поежился от неприятных воспоминаний и поближе придвинулся к костру.

Слава Ушедшим, что все хорошо закончилось. Точнее, спасибо Шептуну за его чутье. Воистину, предупрежден – значит вооружен. Девчонка, конечно, перепугалась и сейчас сидела в стороне от всех, насупившись. Видно, злилась на себя, а заодно и на других, что позволила эмоциям взять верх. И даже попытка Сита успокоить ее не возымела действия.

«Да как тут не испугаться? – Ник неспешно точил меч, украдкой наблюдая за Клео. – Ладно я, повидавший уже не одного подобного монстра после вынужденной посадки на эту планету. А она – жительница Города, знакомая с лесными тварями лишь по картинкам, да пару раз в своей жизни видевшая их на Арене? Прав был альвар, до последнего противившийся ее желанию отправиться в этот поход, – Ник вздохнул. – Но теперь уже ничего не поделаешь. Обратной дороги нет. Только вперед и желательно не задерживаясь. Шептун говорил, что после Исхода на время наступает затишье. Мол, старые твари все куда-то исчезают, – правда, Ник так

и не понял, куда они, собственно, исчезают, – а новые только нарождаются. С этим местным Лесом одни загадки. Сколько уже на планете, а так до сих пор и не разобрался».

Его размышления прервал возглас альвара – Гунн-Терр, давно наблюдавший, как Ник точит свой меч, не выдержал.

– Ник, дай-ка его мне, – воин привстал, протянув руки.

Не раздумывая, Ник развернул меч рукоятью вперед и передал его альвару. Тот бережно, двумя руками, принял оружие и некоторое время подержал, словно взвешивая. Затем большим пальцем потрогал острие и, одобрительно хмыкнув, принялся изучать эфес. Нике любопытством следил за манипуляциями. Он знал, что альвары – прирожденные воины, и был заинтерегован неподдельным интересом Гунн-Терра к оружию.

Тот долго крутил клинок, рассматривая со всех сторон. Несколько раз осторожно провел пальцем по долу, шевеля губами – словно разговаривал с мечом. Но особенно его привлекла тяжелая рифленая рукоять с большим шестиугольным навершием. Ник ее никогда так тщательно не рассматривал. Помнил, была там какая-то гравюра, но считал ее простым украшением. Наконец Гунн-Терр со вздохом, в котором явственно прозвучали нотки сожаления, вернул меч хозяину и, чуть поколебавшись, все же спросил:

– Могу я поинтересоваться, откуда у тебя столь славное оружие, Ник?

– Здесь нет секрета, Гунн-Терр. Этот меч принадлежал Гору, коменданту Башни, – Ник на секунду запнулся. – Он пал в бою с тварями во время Исхода. Прекрасный командир был...

– Да, – подтвердил Шептун. – Если бы не он, уйма народу бы полегла, – старик вздохнул. – Да и нам бы с вами тут не сидеть, разговоры разговаривать.

– А это не тот, случаем, Гор Рубака из рода Кельмов? – альвар с интересом взглянул на Шептуна.

– Тот самый, – Шептун вдруг широко улыбнулся. – Давно не слыхивал, чтоб его так кто величал.

– Альвары так его помнят, – серьезно ответил Гунн-Терр. – Не много городских воинов у нас в почете. Он – да. – Альвар повернулся к девушке: – Помнишь, я рассказывал тебе про битву на рудниках Борра?

– О! – воскликнула Клео. – А я всегда считала, что это старая легенда!

– Легенда... – по тону альвара трудно было понять, хотел ли он передразнить девушку или просто повторил за ней сказанное.

– А что тогда случилось-то? – подал голос Сит. Видно было, что мальчишку так и распирает от любопытства.

– Что случилось? – Гунн-Терр нахмурился. Его лоб прорезали глубокие морщины. – Битва большая была. – Немного поколебавшись, продолжил: – Степняки нарушили десятилетний договор о ненападении. Долго готовились, видать. Под видом мирных кочевников стянули к восточному подножию Белых скал большие силы и ночью атаковали поселения рудокопов, – Гунн-Терр замолчал, вспоминая. Его широкая ладонь плотно обхватила рукоять меча, и он – скорее машинально, чем обдуманно – на четверть вытянул лезвие из ножен. Потом, спохватившись, резко, с клацаньем загнал обратно.

– Почти всех вырезали. Кому повезло, укрылись на рудниках, принадлежащих клану Борра. Там совместно с альварами службу несли и стражи Города. Тогда, по тому самому договору, смешанные гарнизоны были. По три сотни воинов с каждой стороны. Не больше. А степняков – тьма.

Пылевики все заранее рассчитали: дороги к Городу под свой контроль взяли, чтоб ни один гонец за подмогой не проскользнул. Защитникам оставалось только по верху восточку слать. А по скалам – это вам не на коне по чисту полю! – альвар хмуро усмехнулся. – В общем, три, а то и четыре дня степняки выгадали. Но не больше: там уже объединенные силы анклава со скал бы спустились, да из Города войска подоспели.

Альвар замолчал. Тихо потрескивал огонь, редкими всполохами разгоняя сгустившуюся вокруг людей темноту. Под вечер небо затянули тяжелые тучи, плотной пеленой закрыв Доминию, или как ее еще тут называли Всевидящее Око. Ник поежился. Пожалуй, это была самая темная ночь со дня его аварийной посадки на Терриус. Он взгляделся в чернеющее небо: ни одной звезды, куда не кинь взгляд. Словно абсолютно черный купол накрыл планету. Впрочем, это было не так далеко от истины. Кто-то, когда-то и зачем-то закрыл искривленным пространством эту планетную систему, отрезав ее от остальной обитаемой Вселенной. Земные разведчики случайно наткнулись на этот аномальный космический объект. Вскоре в режиме строжайшей секретности поблизости от «Кокона» развернули исследовательскую базу. Земляне несколько лет бились над возможностью проникнуть в закрытый Мир. Специально для этого на дальних верфях инженеры создали несколько ультрасовременных челноков «Валькирия». Один из них и поручили доставить на базу ему, Нику Соболеву, стажеру космической курьерской службы.

Ник тяжело вздохнул – в тысячный раз на него накатил приступ самобичевания: «Доставил! Изменил сдуру маршрут в бортовом компьютере и вместо того чтобы передать столь ценный груз в компетентные руки, вломился сюда, как слон в посудную лавку!» Ник с трудом подавил новый, уже готовый сорваться, горестный вздох. Он снова взглянул вверх. Темная пелена облаков слабо флуоресцировала зеленоватыми бликами. Доминия безуспешно пыталась пробиться сквозь сковавшую планету тьму.

– А что было дальше, а, Гунн-Терр? – вернул Ника к действительности звонкий голос Сита.

Альвар отрешенно смотрел на огонь. На его лице не отражалось ни единой эмоции. Со стороны казалось, что воин полностью ушел в себя, не замечая происходящего вокруг. Но Ник уже знал, что впечатление обманчиво: Гунн-Терр ни на секунду не расслаблялся. Даже когда спал. Хотя несведущий человек мог запросто попасться на такую уловку. Профессиональный воин, телохранитель дочери Верховного, он последовал за подопечной в этот убийственный поход. По всему видно было, что Гунн-Терр далеко не в восторге от решения Клео. Как же она все-таки сумела его убедить? Похоже, позволить ей одной идти в Лес он просто не мог. Ник бросил быстрый взгляд на воина: сидит вполоборота к Клео в отрешенной от всего мира позе, меланхолично вглядываясь в играющие языки пламени костра, а сам боковым зрением четко фиксирует девушку. Одна нога чуть подтянута под себя, правая рука расслабленно и будто случайно лежит рядом с якобы небрежно брошенными ножнами. Случись что – мгновенно окажется на ногах, готовый к схватке за свою подопечную.

Альвар нехотя повернул голову к Ситу:

– Хочешь знать, что было дальше?

Мальчишка в ответ неуверенно кивнул.

– Пылевики только в одном просчитались. За декаду до этого в плавильнях Борра произошла авария. Поэтому ко времени нападения большую часть слитков так и не успели спустить в лагерь рудокопов. И теперь то, ради чего этот набег и был задуман, оставалось на верхних складах под охраной гарнизона, – Гунн-Терр легко поднялся со своего места, расколол о колено несколько увесистых веток и по очереди бросил их в огонь. – Так-то лучше будет, – он отряхнул ладони и вернулся на свое место. Костер жадно затрещал, всполохом взметнулись искры, разгоняя дым, повисший причудливым грибом над их стоянкой.

– Не дожидаясь рассвета, степняки полезли в атаку, – наконец продолжил свой рассказ Гунн-Терр. – Бой шел весь день напролет. Степняки давили плотно, без перерывов, не давая защитникам передышка. Убитых сменяли свежие сотни. Рассказывали, что к вечеру все подножие скал было усыпано телами, а серые камни стали бурыми от запекшейся крови. Атаки прекратились только под самую ночь: в темноте по скользким камням особо не попрыгаешь! – альвар недобро хмыкнул. – Однако и в гарнизоне живых сотни две всего осталось. А тех, что

к утру меч поднять смогли, и того меньше... Чуть рассвело, посланцы от их главного прискакали. Смекнули, кобылы дети, что нахрапом укрепления не взять. А времени-то все меньше остается. Три-четыре дня – и подмога к защитникам подоспеет. А им еще слитки сверху спускать, да и схорониться с доверху груженными обозами в степи-не то что налегке...

Альвар расшнуровал горлышко своего бурдюка и сделал несколько добрых глотков. Вытер тыльной стороной ладони губы, аккуратно зашнуровал бурдюк и только после этого продолжил:

– Пожалели, видать, скотоводы, что раньше времени рудокопов перерезали. На своих горбах пришлось бы теперь слитки со скал спускать. Ну да ладно! – альвар махнул рукой. – Разговор не о том. Так вот, посланцы вождя передали на словах, что, мол, кто сложит оружие, тому позволят без препятствий пройти в сторону Города. Остальным – как полагается, смерть, – Гунн-Терр помолчал немного, словно подбирая слова. – Ну, как я уже говорил, гарнизон смешанный был. Воины Борра, понятное дело, и слушать не стали. А вот стражи городские задумались. Видать, решили, что погибать за чужие рудники им не с руки будет. Ну, – Гунн-Терр снова замолк, потом нехотя добавил: – Доминия им судья. Как бы то ни было, побросали они оружие и вниз спустились. Даже раненых своих не взяли. Один Гор Рубака остался. Но это его потом так называть стали.

– И что, – не удержался от вопроса Сит, – степняки слово свое сдержали? – Мальчик давно уже пересел поближе к альвару. – Вот так вот просто: раз – и отпустили?

– Ага, – кивнул альвар, – сдержали. Только сначала глаза выкололи и руки поотрубили. Но ноги, как и обещали, оставили – иди не хочу, на все четыре стороны.

Ник и до этого слышал подобные рассказы от Рона, Валу да оттого же Шептуна. Но воспринимал их не то чтобы не всерьез, а как-то отстраненно. Вроде каких-то страшилок, которые если когда-то где-то и случались, то так давно и далеко, что не имели к теперешней реальности никакого отношения. А вот сейчас он отчетливо понял, что это самая что ни на есть реальность. Что события эти самые, что ни на есть настоящие, не придуманные и, хуже того, вполне заурядные в этом Море.

Ему вдруг стало страшно. Наверное, впервые в жизни так страшно. Ник испугался самого себя. Он с ужасом почувствовал, как его изнутри захлестывает горячая волна первобытной ненависти. Где-то глубоко, на самом дне его сознания, о котором он до сегодняшнего вечера и не подозревал, заворочалась, расправляя мохнатые плечи, здоровенная обезьяна с огромной сучковатой дубиной, готовая крушить без разбора всех и вся, кто не в ее стае. Ник вдруг с пронзительной ясностью осознал, что теперь мир безвозвратно раскололся для него на своих и чужих. И он готов убивать. Всех этих так называемых хомо сапиенсов, скрывающих под личиной разумности свою звериную дикость, злобу и бессмысленную жестокость, несвойственную даже хищным животным.

Ник почувствовал на себе пристальный взгляд и быстро повернул голову. Гунн-Терр смотрел на него внимательно, чуть склонив голову, будто изучая. Это длилось долю секунды, затем альвар отвел взгляд, и его лицо вновь обрело отстраненную невозмутимость.

– Ты мне об этом не рассказывал, – произнесла молчавшая до этого Клео.

– Может, и зря, что не рассказывал, – хмуро ответил Гунн-Терр. – Может, тут бы сейчас и не сидели.

– Да ладно вам, – встрял Сит. Глаза мальчишки горели в ожидании продолжения истории. – Даже глупому желтобрюху понятно, что степнякам верить нельзя. Да, Шептун?

– Все тебе ясно, все тебе понятно, – Шептун тяжело вздохнул и закашлялся. – Лес тебя поberi! Поддай-ка мне лучше бурдюк с водой, что-то совсем в горле пересохло.

Сит резво вскочил, пошарил в заплечном мешке и вытащил из закромов сразу два бурдюка. Один дал Шептуну, другой протянул Гунн-Терру:

– А что ты там про Рубаку Гора говорил?

– Гор в то время простым воином был. Молодым, да уже тогда смышленным. Защитников, еще способных биться, всего-то десятков пять осталось, не больше. Кто спать лег, кто доспехи к последнему бою правил, а кто и Ушедшим Прощальную песнь запел.

Один Гор суетиться начал. Забегал по округе, принялся арбалеты меж камней раскладывать. С одной стороны так вот, в рядок, поставит, потом шагов десять отмерит и – дальше крепить. После аккуратно принялся веревки к спусковым крючкам вязать, а другие концы – в пучок и к длинной жерди. Сначала все подумали, что умом парень тронулся, а как сообразили, так помогать кинулись.

Расчет простым оказался – изобразить, будто в ту ночь первое подкрепление в гарнизон подошло, а там, как говорится, не за горами и появление основных сил. Под покровом темноты все, кто еще мог ходить, неслышно поднялись чуть повыше на скалы. Там каждый зажег по два факела и, уже не таясь, разговаривая в полный голос да бряцая оружием, вернулись в гарнизон.

Решено было раненых к обороне привлечь, а заодно и мертвых для пушей убедительности. А что? – Гунн-Терр повысил голос. – Воин-то и после смерти воином остается. Раненым дали жерди, от которых к взведенным арбалетам веревки шли, а мертвецов меж камней усадили. Шлемы надели да щитами наполовину прикрыли. Снизу поди разбери, что к чему. Много чего еще Гор за эту ночь придумал и успел сделать. Говорю же вам, смышленный парень был.

Гунн-Терр глотнул из бурдюка и обвел присутствующих взглядом, словно хотел убедиться, что его слушают. Удовлетворенно кивнув, продолжил:

– Пылевикам не дождались, пока совсем рассветет: так им невтерпеж было укрепление взять. Полезли всей толпой, как назойливые мелкие насекомые. Лезут, оскальзываются, вниз по камням скатываются: бойцы наши только-только все подступы смолой хорошенько пролили. Жалеть не стали – почти все запасы из печей плавильных на подножье вылили. Да, немало пылевиков на камнях поломалось. Другие перепачкались, как твари болотные, но карабкаться не перестали. Видать, пообещали им командиры хорошую награду. Когда же на расстояние полета стрелы приблизились, Гор приказал бочки со смолой запалить и скинуть их на головы пылевикам. Хорошо горело! – Гунн-Терр смахнул вдруг выступившие на лбу крупные капли пота.

– Рассказывали, от жара трещало так, что эхо до следующего вечера не утихало, – он махнул рукой. – В общем, как огненным языком всех слизнуло, до самого подножия.

Но и это детей кобыльих не остановило. Переждали, пока огонь затухнет, и снова пошли по тропинкам карабкаться. Но, право дело, уже не так бойко, как поначалу. А когда болты железные с разных сторон запели, то передние и вовсе залегли. Сработала задумка Гора: пылевикам, видать, казалось, что по ним добрая сотня арбалетчиков прицельно бьет. Да к тому же и гарнизонные стрел не жалели.

Однако с подножия все больше и больше степняков поднималось. Передние ряды замерли, схоронившись от града стрел, кто где мог. А вновь прибывающим мест укромных уже и не хватать стало. Под каждый маломальский валун по дюжине кобыльих детей забилося, не меньше. Тут теперь либо вверх по открытому со всех сторон перевалу, либо вниз, так сказать, с позором отползать, – Гунн-Терр прокашлялся, затем продолжил: – Как говорится, чаши весов аккуратно посередине замерли. Куда спустя мгновение качнется, и Ушедшим невдомек было.

Ну, тут Гор, лихая его голова, как был с одним мечом, так и перемахнул плетенку да вниз на степняков кинулся. В гарнизоне все аж рты пооткрывали. А он давай пылевиков из-за валунов выковыривать! Руки-головы в разные стороны полетели, – альвар непроизвольно клацнул мечом о ножны. – Не ожидали кобыльи дети такого. Сгрудились, боясь под стрелы защитников попасть, друг другу мешают. Им бы скопом на него навалиться. А так... – Гунн-Терр только махнул рукой. – Каждый сам за себя старался. Ну, он и крошил их кто где стоял.

Гунн-Терр замолчал, словно задумавшись о чем-то, потом легко поднялся с земли, вытащил наугад из костра увесистое полено и, размахнувшись, с силой бросил его в сторону склона. Головешка, подвывая и разбрасывая снопы искр, скрылась в темноте.

Сит от нетерпения заерзал на месте.

– Ну а дальше-то что?

– Дальше? – Гунн-Терр с удивлением взглянул на него, словно в первый раз увидел мальчишку. – Борры – хорошие воины. Правда, уж больно торговлей увлекаются! Так, глядишь, совсем военное дело забросят, – тут Гунн-Терр запнулся, бросил быстрый взгляд на Сита. – Впрочем, это не твоего ума дело!

Альвар отвернулся и уже буднично, ровным голосом продолжил:

– Защитники воспользовались замешательством степняков, бросились Гору на подмогу. Видно, гордость не позволила дальше в укрытии отсиживаться. Атаковали как в последний раз. Ну да так оно и было – погибать шли. Кобылы дети дрогнули, не выдержав напора, – повернули назад. Скалы, скажу я вам, это не степь: Один единственный камешек, сорвавшись с вершины, может вызвать такой камнепад, только держись! Так и тут. Один степняк бросил оружие, за ним другой, и тут, глядишь, уже все пылевики бегут-толкаются, стараясь побыстрее на равнине оказаться.

Гунн-Терр сделал паузу, словно желая привлечь к себе еще больше внимания. Но это было излишним: присутствующие с нескрываемым интересом слушали его рассказ. Ник с удивлением открыл для себя другую сторону личности альвара. До сегодняшнего дня тот казался ему бездушной машиной убийства, лишенной каких-либо эмоций. Ан нет, воин оказался хорошим рассказчиком, живо передавая своим простым, где-то даже неказистым языком картину произошедших событий.

– Так защитники и погнали их до самого низа. Не зря говорят – у страха глаза велики. А снизу-то не разобрать как следует, что там между скал происходит. Решили, видать, что подмога к гарнизону по верхам подошла. А значит, и основные силы горожан где-то рядом, – Гунн-Терр вдруг хохотнул ни с того ни с сего. Заметив недоуменные взгляды слушателей, пояснил: – Помните битву в Ущелье мертвецов?

Клео кивнула, остальные недоуменно пожали плечами.

– Ладно, – Гунн-Терр махнул рукой, – в другой раз, может, и расскажу. Тогда тьма пылевиков полегла. Так же вот их с земли и сверху к скалам прижали – ни один живым не ушел! Вот и сейчас, видать, испугались судьбу предшественников повторить. На лошадей повскакивали и к степям понеслись. Только пыль вверх! Ни шатров, ни утварь свою – ничего не взяли.

– Гунн-Терр крикнул от удовольствия. – Да что там утварь, ни одного слитка награбленного не прихватили!

– А Гор-то что? – Сит первым озвучил витавший в воздухе вопрос. – Что с Гором-то случилось?

– С Гором? – альвар нахмурился. – Защитники – а тех, что на ногах могли держаться, с дюжину, наверно, осталось – сразу в свою победу не поверили. Так все стремительно произошло. А вот когда пыль за последними степняками осела, о Горе вспомнили. Нашли его едва живого среди камней и трупов. Думали, не жилец, а он вон как – оклемался. Только шрам на все лицо остался. Хорошо, глаз не выбило, – альвар замолчал и пристально посмотрел на Ника. – За подвиг мастера ему вот этот самый меч и изготовили. Полгода ковали, не меньше. Второго такого нет, Ник.

Глава 2

Судья полулежал на широком диване, обложенный со всех сторон мягкими подушками, пошитыми умелыми швеями из безумно ценной шерсти горного козла – животного редкого и почти неуловимого, встречающегося только в высокогорьях Белых Скал. В ногах у Судьи примостилась юная наложница и, казалось, спала.

– Подбрось-ка еще пару-тройку поленьев, Хват, – Судья поежился.

Девушка тут же встрепенулась, начала ловить преданными щенячьими глазами его взгляд, пытаясь предугадать сиюминутное желание хозяина. Тот ласково и успокаивающе погладил ее светлые волосы, и девушка, довольно улыбнувшись, положила голову ему на колени.

Хват поднялся из кресла, подошел к аккуратно сложенной в форме пирамиды поленице, взял сверху первые попавшиеся кругляши и бросил в камин. Взметнулся сноп искр, и огонь, весело потрескивая, принялся вылизывать сухое дерево.

– Да ты не жадничай, не жадничай! – проворчал Судья. – Подбрось еще. Сдается мне, год-два – и досюда Лес доберется: деревья тогда на всех хватит, – он хохотнул над своей шуткой, зевнул и прикрыл глаза.

В зале было так натоплено, что впору окна настежь распахивать, но Хват не стал перечить, выбрал полено потолще и отправил его вслед за другими в огонь. Украдкой смахнув пот со лба, оттащил свое кресло подальше от камина, уселся вполоборота от Судьи и, чтобы чем-то занять себя, принялся лениво разглядывать старинное полотно на противоположной стене.

Хват был равнодушен к искусству. По большому счету, он был равнодушен и к дорогим украшениям, золоту, драгоценным камням – всему тому, что застилает глаза обычному обывателю, вдруг превращая законопослушного горожанина в преступника, а порой и в убийцу или, того хуже, в отступника.

Конечно, Хват знал цену золоту. Но больше в прикладном аспекте: подкуп и шантаж, шантаж и подкуп. Как любил повторять Судья, «у всех есть своя цена». И в этом Хват, возглавлявший не первый год Тайную сыскную канцелярию, не мог с ним не согласиться.

В камине потрескивало. Отблески разгорающегося огня заплясали по медной раме. Хват вздрогнул. На большом полотне вдруг проявилось изображение пирамиды. Цвета золота. А над ней словно парил глаз. Да-да, именно глаз, чуть прищуренный, смотрящий вниз из-за темных грозовых туч.

– Странно, – Хват задумался. Даже несколько раз моргнул для порядка. Он, наверное, уже в двадцатый раз видел эту старинную картину в тяжелой медной раме. По заведенному обычаю перед каждой важной операцией Судья собирал доверенных людей именно в этой части своего замка. Здесь принимались окончательные решения, определялись сферы ответственности и намечался порядок предстоящей работы. Хват мог бы поклясться, что на картине был изображен герб рода Денберров, к которому принадлежал его господин, – трехгранный наконечник боевого копья с насаженным на него яблоком. Несколько столетий назад героические предки Судьи выбили степняков из Срединных земель, присоединив к Великому Городу обширные фруктовые рощи. Этот пронзающий спелый фрукт трехгранный наконечник, как объяснял Судья, и символизировал тот самый подвиг.

Хват всегда был внимателен к мелочам. Да и как могло быть иначе в его-то работе? «Интересно, – мысленно присвистнул он. – Может, раньше я смотрел на картину под другим углом? Или причина в сильно натопленной комнате?»

Хват привстал со своего места, и изображение тут же смазлось. Пирамида превратилась в знакомый наконечник копья с яблоком на острие. Он снова откинулся в кресле – ничего не изменилось. Хват поерзал на мягком кресле, повел головой из стороны в сторону, пытаясь

вернуться в прежнее положение. Ничего. Странная пирамида с нависшим над ней глазом не проявлялась.

– Что за... – прошипел он.

В этот момент в камине затрещало. Огонь добрался до толстого сухого полена, и языки пламени тотчас же охватили его. Полумрак залы вновь отступил к тяжелым портьерам, наглухо закрывающим окна. По каменным стенам побежали тени, блеснула тусклой медью рама, и Хват снова увидел пирамиду. Стараясь не шевелиться, он на этот раз более пристально вгляделся в изображение, находя в легких мазках неизвестного художника все новые детали.

Из огромного глаза во все стороны вылетали то ли молнии, то ли искры. Внизу, у подножия строения (теперь Хват не сомневался, что оно рукотворное), словно подчеркивая его величие, художник изобразил лес, голубую ленту реки, бегущей меж высоких берегов, а чуть дальше и человеческое поселение: город или деревню. «Картина-то, как оказалось, с секретом!» Хват уже было собрался расспросить о ней Судью, как со стороны дивана донесся тихий храп. Хват обернулся и поймал внимательный взгляд наложницы. Девушка совсем по-детски поднесла палец к губам, призывая его хранить молчание. Хват в ответ кивнул и отвернулся.

У девушки было имя, данное ей при рождении, но Судья звал ее просто Бяшкой. Альварское словечко: так у них звались молодые высокогорные козочки с легкой и пушистой, но очень теплой шерсткой. Даже лучшие альварские ловчие декадами выслеживали этих животных, поджидая момента, когда одна из особей отобьется от стада и спустится в поисках пищи на плоскогорье. Только тогда еще был шанс поймать животное, с легкостью взбирающееся по практически отвесным скалам.

Девушка жила в замке уже больше года, что само по себе было вещью неслыханной. Не то чтобы Судья не любил женщин, напротив, у него было столько содержанок и наложниц любых возрастов и сословий, что спроси его, сколько, он и сам бы крепко задумался. Но женщины никогда не задерживались в его роскошной обители надолго. День-два, от силы десять. Особо понравившимся он покупал дома и время от времени оказывал им честь своими визитами. Других селил в своем огромном имении, окруженном фруктовыми рощами. Там он любил собирать близких соратников или нужных ему людей и называл это посиделками. Хват знал не понаслышке, что эти «посиделки» могли продолжаться не один день и частенько заканчивались оргиями.

Бяшка вошла в жизнь Судьи тихо, незаметно для окружения, но прочно. А все благодаря ему, Хвату! Он обнаружил девушку в сиротском приюте, больше похожем на притон. Его люди проводили очередную операцию по выявлению отверженцев и прочесывали подобного рода заведения в восточном пригороде. Одной из задержанных оказалась Бяшка. Если бы не Хват, судьбе девушки не позавидовали бы и каторжане с каменоломен на Белых Скалах. Однако Хват подходил к работе ответственно и все проверял самолично, не гнушаясь даже личных допросов отверженцев.

На первый взгляд ничего особенного в ней не было. Да и что можно разглядеть в давно не мытой девочке-подростке со свалявшимися волосами, пусть даже и длиной до тощей задницы? К тому же замухрышка оказалась немой от рождения. Но не зря Хват считался лучшим учеником и правой рукой Судьи. Из допросов отловленных отверженцев и обычных постояльцев злачного местечка он выхватил одну интересную деталь, которую просмотрели работавшие до него дознаватели.

Девушка вдобавок к своей немоте оказалась больна падучей. Дело вроде бы не такое уж удивительное – Хват знал эту болезнь. Не зря много лет тому назад Судья в приказном порядке отправил его, тогда еще мальчишку, на три года в подмастерья к Дегу-костоправу. Много он за то обучение больных перевидал. В умении врачевать, конечно, Дега он не догнал, но распознавать болезни научился. И вот что-то Хвата в этой девушке насторожило. Поначалу он вовсе хотел отпустить ее на все четыре стороны: падучая хоть и редкая болезнь, но отношения к Дару

никакого не имеет. Только его дремучие подчиненные, готовые видеть чуть ли не в каждом законопослушном горожанине отверженца, могли причислить ее к изгоям. Но все же что-то Хвата остановило.

Он приказал хорошенько отмыть девушку и лично доставил ее к Судье. Хват понимал, что если вытащил «пустышку», то, весьма вероятно, навлечет на себя гнев господина и надолго попадет в немилость. Судья терпеть не мог, когда его отрывали от важных дел. Особенно по такому непроверенному поводу. Но Хват также знал, что, подключив к проверке сторонних, пусть даже и доверенных людей, и подтвердив с их помощью догадку, ценность находки он если не к нулю сведет, то точно снизит вдвое.

Ему повезло. Судья находился в хорошем расположении духа и не только внимательно выслушал доклад Хвата, но и распорядился оставить девчонку под наблюдением в замке. «До выяснения...» – как он туманно выразился. Срочно был вызван Вислоухий. Хват, по роду своей службы, перевидавший немало насильников и убийц. Среди них попадались и вовсе одержимые, которых причислить-то к человеческому роду язык не поворачивался. Попривык или, как говорится, перегорел. В общем, относился к этому как к издержкам своей рутинной работы. Но в присутствии Вислоухого всегда испытывал необъяснимое волнение, граничащее со страхом, и как ни пытался совладать с собой, ни разу не обрел спокойствия. Самое большее, на что его хватало, – это не подавать вида.

И ведь ничего особенного в облике Вислоухого не было: старик как старик. Сколько ему лет, Хват не знал. Но с тех пор как они впервые повстречались – а это было, дайте Ушедшие памяти, Исхода три назад, – тот нисколько не изменился. Невысокого роста, чуть сгорбленный старикашка. Такого в любой деревне встретишь – не заметишь. Разве что абсолютно лысый череп, словно обтянутый пожелтевшим пергаментом, да рваные, зарубцевавшиеся бардовыми узлами шрамы на месте ушных раковин, бросались в глаза и вызывали легкое неприятие.

Дело, конечно же, было не в этом. А в том, что Вислоухий, заберите его Ушедшие, был самым что ни на есть отверженцем, отмеченным проклятьем Доминии! Что его объединяло с Судьей, так люто ненавидящим этих выроdkов, Хват не знал. Да, наверное, и не хотел знать. В разговорах они эту тему не поднимали, хотя Судья, конечно, понимал, что Хват не мог не заметить особого отношения к Вислоухому. Рассудив, что это не его ума дело, Хват смирился с заведенным порядком, стараясь лишний раз не пересекаться со стариком.

Но в тот раз без Вислоухого было не обойтись. Может, именно тогда Хват больше ощутил, чем понял, зачем Судья приблизил к себе этого отверженца. Вдруг вспомнилась брошенная стариком вскользь фраза: «Свой среди чужих, чужой среди своих». И он впервые испытал к Вислоухому что-то отдаленно похожее на жалость. Тогда-то страх и улетучился.

Бяшка оказалась уникальной. Это стало понятно в самый первый вечер, когда они втроем ставили на ней эксперимент за экспериментом. Судья в кои-то веки отослал всю свою многочисленную челядь навестить родных. Оставил только охрану периметра замка... Уже потом до Хвата стали доходить сведения, что Судья под разными предлогами спускал в ведомство Алхимика запросы по аналогичным поведенческим аномалиям у отверженцев – видать, хотел до конца уяснить, есть у девчонки этот проклятый Дар или нет. Но архивариусы так и не смогли найти в хрониках нечто подобное.

Только дела это не меняло. Уникальность девушки состояла в ее особой реакции на воздействие любого отверженца: Бяшка тотчас же падала, начинала биться головой о землю, скрежетать зубами и пускать пену изо рта.

В общем, все признаки падучей были налицо. Кому хоть раз довелось такое увидеть, ни с чем другим не перепутает. Но это было еще не все. То же самое происходило, когда внушению подвергался другой человек рядом с девушкой!

Таким Судью ни до, ни после Хвату видеть не доводилось. Могущественный властитель походил на ребенка, получившего подарок, о котором даже мечтать не смел, но мнущегося с

ноги на ногу в страхе протянуть руку – чтобы, не дай бог, тот не исчез или взрослые в самый последний момент не передумали и не забрали его обратно.

Хват вместе с Вислоухим (спасибо старику) еле уговорили Судью дать девушке передохнуть от экспериментов. Каждый такой припадок отнимал много сил, и она просто могла не дотянуть до рассвета.

К концу следующего дня у Хвата раскалывалась голова, его постоянно мутило: воздействия Даром не обходились без последствий для организма. Не лучшим образом чувствовали себя и остальные: всегда холеное лицо Судьи осунулось и пошло красными пятнами, Вислоухий еще больше сгорбился и к вечеру не мог подняться с кресла без посторонней помощи. Про девушку и вовсе говорить не стоило. Припадки становились с каждым разом все продолжительнее. В связи с секретностью на помощь лекарей она, понятное дело, рассчитывать не могла. В ход пошли бабушкины средства: чтобы побыстрее привести девушку в чувства, растирали ей грудь и лицо уксусной водой, а потом отпаивали подогретым «Лаврейским», предварительно разведя в вине побольше сахара.

Путем таких мучительных испытаний установили, что Бяшка «детектирует» направленное воздействие на постороннего человека, удаленного от нее максимум на пять-шесть шагов. Вислоухий, правда, предположил, что если девушку хорошо кормить и содержать в нормальных условиях, то восприимчивость может увеличиться как минимум вдвое.

В конце концов Судья объявил находку девушки подарком Ушедших (тут Хват скромно потупил глаза) и отпустил их с Вислоухим по домам. Требования сохранить эту историю в строгом секрете не прозвучало, но взгляд Судьи, брошенный напоследок, был красноречивее любых слов.

Учитывая комплекцию Судьи, он был не из мерзливых, но одна только мысль о том, что кто-то сможет заглянуть ему в разум при помощи Дара, пугала до дрожи в коленях. Руки моментально холодели, так и хотелось протянуть их к огню... Увы, жаркое пламя только обжигало, но не согревало. Разве что Бяшке удавалось одним своим присутствием вселять уверенность в Судью, да и то до тех пор, пока он снова не погружался в размышления и переставал замечать сидевшую у ног девушку.

Имея некоторую склонность к чёрному юмору, свою голову Судья сравнивал с сосудом, наполненным зажигательной смесью. Немало этих ёмкостей взорвалось в результате неосторожного обращения при проведении армейских испытаниях огнёмётов. У Судьи имелся полный список погибших, где напротив каждого имени стояли пометки, сделанные Казначеем. Он тогда потребовал провести тщательное расследование с целью выявления степени вины каждого обретшего покой испытателя. Страж возмущался, говоря о том, что все они погибли героями, а их семьям положена честная компенсация. Но Казначей стоял на своем и сумел таки снизить выплаты, усмотрев в действиях некоторых стражников халатное отношение к делу, вылившееся в преднамеренное нарушение инструкции по обращению с опасной военной техникой.

«Интересно, – мысленно усмехнулся Судья, – достойна ли хоть какой-нибудь компенсации моя голова? Голова человека, сознательно готовящегося нарушить все писанные и неписанные законы Хранителей. Становлюсь ли я при этом преступником? – он неоднократно задавал себе этот вопрос, привычно взвешивая степень вины на весах правосудия, и каждый раз ответ звучал одинаково: – Нет» Впрочем, некоторые Хранители, не знакомые с тонкостями юриспруденции, могли и не разделять его точки зрения. Судья не надеялся, что будет правильно понят, оттого и не вербовал сторонников, в полной мере осознавая, что легче объяснить слепому от рождения разницу между цветом Орфиуса и Доминии, чем растолковать свою истинную цель.

«Казначей не безнадёжен, – покосившись на дремлющую Бяшку, подумал Судья. – Лишённый сентиментальности прагматик. Способен мыслить логически. Не человек, а математическая формула для управления экономикой. Лесничего заботит только безопасность

Великого Города. Этому он предан всей душой и как никто понимает, что если не наступят перемены, то грядущего наступления Леса нам не пережить. Алхимик... Самый, пожалуй, двуличный и непредсказуемый тип. Затаившийся отверженец. От него точно нужно держаться подальше до поры до времени. Палец о палец не ударит, чтобы меня поддержать, но переметнется тут же, стоит только открыто продемонстрировать свою силу. Ну, и Страж. Типичный солдафон. Из разряда тех, кто сначала делает, а затем думает. Верный пёс Верховного. Станет противодействовать мне в любом случае»

Этот мысленный пасьянс Судья раскладывал не впервые, просчитывая варианты спасения Великого Города от надвигающейся катастрофы. Свою миссию он иначе не называл, хотя в Судебном Уложении, почти не изменившемся со времени Арчи Мудрого, подобные деяния классифицировались как измена и попытка государственного переворота. «Должностное лицо, уличённое в преступном умысле в отношении Хранителей Великого Города, да предстанет перед судом без права на защитника. Явных и тайных пособников злоумышленника уравнивать с ним по тяжести обвинения и судить их без снисхождения к сословию, полу и возрасту, невзирая на долю участия каждого в совместном преступном деянии» – процитировал по памяти Судья, знавший наизусть законы Великого Города.

Закон составляли люди, явно далёкие от образа мыслей Казначея, который обладал, хоть и весьма своеобразными, но чётко сформулированными понятиями о справедливости. Все ближайшие родственники обвиняемого сразу же объявлялись злоумышленниками без права на оправдание и помилование. Наказание по этой статье Судебного Уложения предусматривалось максимально возможное, дабы отбить охоту к заговорам против Хранителей. В Архивах сохранились материалы громкого процесса, состоявшегося почти двести лет тому назад. В перечне осужденных упоминались три грудных младенца мужского пола, девочка пяти лет от роду, а также преклонного возраста женщина, давно потерявшая рассудок и способность ясно мыслить. Все они были казнены на общих основаниях, как и предписывалось законом.

Судья внимательно изучил все случаи применения самой строгой статьи законодательства Великого Города и не нашёл повода для сомнений в виновности зачинщиков. Ими двигала жажда власти – древняя как мир прихоть, жертвами которой пало столько людей, что общее их количество не поддаётся никакому исчислению. Редко кто способен обуздать в себе эту страсть, словно медленно действующий яд, подтачивающую изнутри слабую человеческую натуру, которой всегда свойственно желать большего. «Вкусив её, ты не познаешь насыщения, лишь голод разожжёшь внутри» Так говорил о власти мудрец. Судья был полностью согласен с этим высказыванием, но себя не считал опьянённым мечтой о власти заговорщиком.

Напротив, он искренне полагал, что совершит благое дело, если сумеет избавить Великий Город от никчёмных Хранителей во главе с Верховным. Никто из них, за исключением разве что Лесничего, не способен понять, насколько опасен курс нынешнего руководства, прямоком ведущего всех в объятия кроважанных лесных тварей. Не будет никому спасения от их клыков, когтей, ядовитых жал и прочих несущих смерть приспособлений. Напыщенный болван – Страж утверждал, что его войска отразят любую угрозу, но кому, как не Судье, было знать о настроениях в рядах стражников. В подавляющем большинстве своём они трусливы, плохо обучены, не в состоянии менять тактику на поле сражения. Надеются только на толстые стены башен и зажигательную смесь. Массированного исхода со стороны Леса такой обороне не сдержать. Мир катился под откос, и никто был не в состоянии этого ощутить.

Существовали древние пророчества о наступлении Эры Равновесия, но отрывочные тексты, составленные ещё до правления Арчи Мудрого, понять было непросто. Тогда Судья решил сам разобраться, что же может скрываться за этими двумя словами «Эра Равновесия», и первая пришедшая в голову аналогия прямо указывала на весы правосудия. «Так это же обо мне! – он поразился такой простой отгадке. – Во главе Великого Города должен встать тот, кому привычно взвешивать дела и поступки людские, судить согласно закону и карать преступивших

его». Это открытие так поразило Судью, что на одном из совещаний у Верховного он даже заговорил об Эре Равновесия, справедливо полагая, что отсчёт её следует вести от момента, когда осознал свою роль в грядущих переменах.

Втайне Судья надеялся, что кто-нибудь из Хранителей сообразит: неспроста зашёл такой разговор. Но вместо того, чтобы задуматься, они предпочли пропустить мимо ушей информацию, ценность которой были не в состоянии оценить. «Что ж, – решил он тогда, если не могут понять с полуслова, значит, слов будет недостаточно. Придётся действовать самому, надеясь, что соратники созреют по мере осуществления плана спасения Великого Города». Он в одиночку держал в руках весы правосудия, и плечам Судьи выпало стать опорой для новой Эры Равновесия. Он знал, что справится, хотя без помощников не обойтись.

Требовалась сила, способная сокрушить Лес. С ним невозможно договориться, его можно только победить. Такой силы в Великом Городе, а равно и его окрестностях, не отыскалось, потому Судья обратил свой взор на просторы южных степей. Издавна населявшие эти края кочевые народы могли стать оружием в борьбе с Лесом. Отношения со степняками были сложными, омрачёнными многолетним противостоянием за обладание землями на левобережье Быстрой Воды. Если обратиться к ним за помощью по официальным дипломатическим каналам, то ответа можно ожидать нескоро, а Лес уже на пороге. Донесения приходят неутешительные, и полной картины даже ещё не сложилось. Да и потребовать взамен степняки могут столько, что Верховный никогда не пойдёт на такую сделку, даже если на кону спасение Великого Города.

Судья считал себя прозорливей главы Совета Хранителей и мог пожертвовать частью ради спасения целого. Вот только степняки частью никогда не удовлетворятся. Они не забывают прошлых обид и воздают за них всегда с лихвой. «А тут ещё их позорное поражение в Ритуале на Праздновании Первого Исхода... – Судья до хруста стиснул зубы. – Как всё некстати... Из-за неизвестно откуда взявшегося выскочки провалился хитроумный план по вовлечению степняков в политику Великого Города. Причём, легального вовлечения! Посредством Высочайшей Просьбы! Впрочем, что об этом сейчас думать? Теперь без большой крови не обойтись. Ушедшие боги свидетели, я всем сердцем желал без этого обойтись».

Прежние, тщательно выстроенные планы пришлось отбросить, как скомканную бумагу. Дунул ветер, загнал комок в дальний угол, и только уборщикам теперь есть дело до запылившейся бумажки. Судья вздохнул, перебирая пальцами мягкие волосы Бяшки. Поражение он воспринял стойко и от борьбы не отказался. Если судьбе угодно испытать Великий Город на прочность, да будет так. Степняки будут отчаянно сражаться только за ту территорию, которую считают своей. Им неважно с кем сражаться. Люди, или лесные твари, значения не имеет. Чтобы сохранить Великий Город, его требовалось бросить к ногам степняков.

Они во все времена отличались храбростью, упорством, но не безрассудством. Вековая борьба за территории приучила кочевников уважать противника, имеющего преимущество в техническом оснащении и обладающего мощными оборонительными укреплениями. Степняки сильны в чистом поле, где за считанные минуты способны окружить и уничтожить регулярные войска или разграбить небольшой поселок. Но Город им не по зубам, и они сами это прекрасно понимают. Без стенобитных орудий осада становится делом безнадёжным, а инженеров в степи отродясь не водилось.

Совсем недавно пришли тревожные вести о том, что Исход не обошёл стороной и степные оазисы. Сердце Великого Гурта подверглось нападению, и у степняков теперь появились все основания откочевать дальше на север. Как тут не вспомнить, что когда-то они владели этими территориями. «Нельзя допустить, чтобы степняки удовлетворились захватом Средних земель, – Судья не заметил, как стал барабанить пальцами по макушке дремавшей Бяшки, и та, словно недовольный щенок, стала тихонько поскуливать. – Но кочевники пойдут войной на Великий Город только в том случае, если им обеспечить беспрепятственный проход внутрь.

О захвате малыми силами ворот и удержании их до тех пор, пока воины степей проникнут на городскую территорию, не могло быть и речи. Собрать и вооружить достаточного размера диверсионный отряд, да ещё так, чтобы это укрылось от внимания Стража и Верховного – задача невыполнимая».

Оставался запасной план, реализация которого позволила бы разрешить проблему. Но шанс на успех был ничтожно мал, и Судья долго гнал прочь мысли об этой затее. Слишком уж много переменных содержала задуманная им многоходовая комбинация, и преград на пути у непосредственных исполнителей было предостаточно. В своих людях Судья не сомневался, но существовала опасность, о которой он имел весьма приблизительное представление. Верховный раньше всех получал новости из ставки Вождя Тын-Карантына и не всегда делился этой информацией с остальными Хранителями. По всем признакам выходило, что у главы Великого Города есть собственный информатор среди степняков. У Судьи там тоже имелись шпионы, но никто из них так не смог выявить агента, работавшего на Верховного.

Глава 3

Каменистая почва, по которой шел отряд, незаметно сменилась глиноземом, а потом и вовсе влажным мхом. Он слегка пружинил под ногами, но в целом идти по нему было легко. Шептун по негласно заведенному правилу шел впереди. Он вел отряд, стараясь обходить то и дело встречающиеся на пути оазисы буйно цветущей зелени. Легко было догадаться, что совсем недавно на их месте рос такой же грязно-зеленый мох, как и везде вокруг. «Значит, вот как они тут прорастают», – Ник внимательно осматривал встречающиеся у них на пути заросли. Днем это тугое переплетение густой травы, кустов и молодых раскидистых деревьев не вызывало никакого опасения. Наоборот, от него веяло свежестью и долгожданной прохладой. К вечеру же, чем ниже опускался за горизонт Орфиус, тем сильнее становилось фосфорическое свечение, идущее из глубины оазисов. Все чаще из зарослей до путников долетали звуки, напоминающие густое бульканье, словно в огромном чане варили неведомое зелье. В воздухе расплзался уже знакомый до тошноты запах сероводорода.

– Все! Стоп! – Шептун остановился, подняв руку. Все замедлили шаг и сгрудились вокруг старика.

– Проскочить не успели, – тяжело дыша, отрывисто произнес Шептун. – Петляли слишком много. А то б уже в Долине были, – он тяжело вздохнул. – Дома.

Все уставились на далекий горизонт, за который уже начал закатываться багряный диск светила.

– Надо искать место под привал, – Гунн-Терр смахнул выступивший на лице от быстрого марша пот. – Здесь небезопасно.

В этот момент в ближайших к охотникам зарослях раздался громкий хлопок – будто кто-то иглой проткнул большой воздушный шар. Все вздрогнули. Синхронно залязгали выхваченные из ножен мечи.

– Болотный пузырь лопнул, – Сит настороженно взгляделся в темнеющие неподалеку заросли. – Да, Шептун?

– Да, – кивнул старик. – Плохое это место, – он несколько раз огладил свою бороду, – а смердит и того хуже.

Шептун прикрыл глаза и часто зашевелил губами. Спутники замерли. Все уже знали, что старик иногда ненадолго впадает в транс, прежде чем принять важное решение. Пока чутье его ни разу не подвело. Все ждали и просто молча смотрели на Шептуна.

– Пойдем к Мертвой долине! – наконец произнес он. – Если поторопимся, то до темноты успеем дойти.

– Так мы что же – совсем рядом с землями южан? – Сит смешно округлил глаза. – Вот ведь как нас занесло!

– Нет теперь больше ни северных, ни южных земель, – произнес тихим голосом Шептун. – Лес теперь здесь хозяин.

Он в сердцах ударил о землю древком, но вместо глухого стука, словно в насмешку, раздалось лишь чавканье сырого мха.

– За мной! – Шептун расправил плечи и широким шагом направился в сторону темнеющих впереди холмов.

* * *

Они успели засветло подняться на невысокую горную гряду. Шептун остановил отряд на краю круто обрывающегося утеса.

- Это и есть Мертвая долина, Шептун? – Клео с интересом изучала открывшийся вид.
– Она самая. Южане ее между собой еще Сухой водой кличут.

Орфиус почти скрылся за горизонтом, но в свете его последних лучей Клео разглядела множество русел высохших рек, змейками изрезавших долину. Серая степь, где только местами зеленели травяные островки или темнели невысокие заросли кустарника, а вдоль бывших рек тянулись полосы высоких деревьев. Позднее оказалось, что некоторые реки все-таки жили – в них еще бурлили потоки мутной воды.

Охотники, осторожно следуя друг за другом, спустились по горному склону, высматривая издали удобное место для ночлега. После недолгого обсуждения решили остановиться на берегу обмелевшего ручья. Клео, несмотря на усталость и саднящую боль в натертых от долгого перехода ногах, охотно помогала в устройстве временной стоянки и сборе валежника для костра. Топлива было достаточно: каменистые берега высохшего ручья были покрыты густым сухостоем.

Вечером сильно похолодало, поднялся ветер. Он дул не сильно, но с завидным постоянством, ни на мгновение не затихая. Гунн-Терр достал из заплочного мешка шерстяную накидку и, ни слова не говоря, протянул ее девушке. Клео на этот раз не стала спорить, а благоразумно приняла помощь, ухитрившись изобразить на лице подобие улыбки. Гунн-Терр в ответ коротко кивнул и направился за новой порцией валежника. Все рассудили, что этой ночью на огне лучше не экономить, и рядом с горящим костром уже высились две приличные кучи веток. Сит вместе с Ником принялись ломать слишком длинные, чтобы было удобнее подкладывать их в огонь.

В глубине души Клео злилась на себя, понимая, что в последнее время была как капризный ребенок. Казалось, все считают ее обузой в походе, а ведь именно она и затеяла это опасное предприятие. Значит, на ней и лежит вся ответственность. В Великом Городе, в своих покоях, среди вороха карт на белоснежном мраморном полу все это представлялось ей по-другому. Сейчас же она боялась, в чем никому и ни за что бы не призналась. Но страх, этот постоянно присутствующий страх, сковывал, мешая трезво мыслить. Его все время приходилось перебарывать, что отнимало много и так уже подорванных душевных сил. Девушка шмыгнула носом, тайком смахнула выступившие слезы, потом решительно отбросила в сторону накидку и, стараясь не обращать внимания на гудевшие от усталости ноги, пошла догонять Гунн-Терра.

* * *

Уже совсем стемнело, когда приготовления к ночной стоянке были закончены. Помимо основного костра, по периметру лагеря решили развести несколько страховочных, поменьше. Большой Исход прошел, Лес успокоился, и теперь огонь, как и раньше, сдерживал тварей, заставляя их прятаться в темноте. Да и в случае прорыва драться в освещенном периметре было бы гораздо сподручнее.

Как всегда, решили распределить ночные дежурства. Шептун привычно заготовил четыре палочки – три длинные, одну короткую.

– А почему четыре, Шептун? – Клео решительно вышла к костру, всем своим видом давая понять, что на этот раз она против освобождения от общей обязанности. – Я тоже буду тянуть!

Шептун чуть замешкался, бросил быстрый взгляд на альвара. Тот демонстративно отвернулся, показывая, что ему все равно. Старик тяжело вздохнул и, поворчав для порядка, отломил от валежника пятую веточку.

По иронии судьбы ей выпали первые часы дежурства. Сразу после ужина Клео, ни на кого не взглянув, направилась в сторону шалаша, на скорую руку сооруженного для нее альваром. Перед тем как протиснуться в низкий проем, буркнула: Как соберетесь, наконец спать, не забудьте меня разбудить!

Гунн-Терр молча переглянулся с Шептуном, потом заговорщицки подмигнул Нику. Ник сразу сообразил, что друзья решили подстраховать девушку в ее первом ночном дежурстве. Но так, чтобы она об этом не догадалась. Он понимающе улыбнулся в ответ. Сит сидел в сторонке, сосредоточенно поглощая жаркое из шестилапа, но Ник мог поклясться, что этот хитрюга тоже обо всем догадался.

Укутавшись в шалаше шерстяной накидкой, Клео моментально уснула. Если бы ей еще недавно кто-то сказал, что она может вот так сходу заснуть на голой прохладной земле, она бы только фыркнула в ответ. Однако тяжелый переход сделал свое дело. В последние дни Клео неожиданно засыпала, стоило только присесть у разведенного охотниками огня: организм берег силы, не зная, какие еще испытания готовит завтрашний день. Когда девушку разбудили, ей показалось, что она и не спала вовсе, а лишь прилегла минуту назад. Едва разлепив глаза, она произнесла:

– Что, моя очередь?

– Дрова мы подбросили, – Шептун, кряхтя, уселся на лежанку из валежника.

– Вокруг тихо.

Он обстоятельно взбил заплечный мешок, водрузил его в изголовье и с явным удовольствием вытянулся во весь рост.

– Вон, – ткнул пальцем в сторону, – видишь то одинокое дерево? Вот когда Доминия доползет до него, тогда и буди меня, все понятно?

– Это которое на том обрыве? – Клео спросонья пыталась протереть глаза. – Вон то раскидистое?

Вместо ответа послышался раскатистый храп старика.

– Тьфу ты! – Клео поднялась с земли и огляделась. Ник, Сит и Гунн-Терр уже давно благополучно спали. Сит – свернувшись калачиком, Ник распластался на спине, альвар полусидел, привалившись к стволу упавшего дерева. «Вот мужики! Только спать горазды, никто толком ничего объяснить не может!... Ладно, сама напросилась! – Клео подняла с земли копье. – Значит, я в дозоре?»

Она расправила плечи, посмотрела на темную степь и удовлетворенно вдохнула полной грудью. Сон как рукой сняло. Некоторое время девушка наслаждалась свежим воздухом, а потом принялась медленно, осторожно ходить вокруг костра. В правой руке она крепко держала шершавое древко копья. Вдруг что-то мягкое и теплое ткнулось под правую коленку. От неожиданности Клео отпрыгнула в сторону, едва сумев подавить готовый вырваться из груди крик.

– Фухх, Серый! – Клео облегченно выдохнула. – Ну и напугал ты меня малыш!

Девушка нагнулась и ласково потрепала зверька по гладкой шерстке. Она часто называла его Малышом, когда оставалась с ним один на один. Или когда никто не слышал. Тот в ответ благодарно лизнул ее в щеку и потянулся всем телом.

– Что, решил составить мне компанию?

Клео неожиданно для себя улыбнулась. Одной, как ни храбрись, а все-таки страшновато. От темной степи так и веяло холодом и скрытой опасностью. Освещенный периметр еще давал некое чувство защищенности, но что могло скрываться хотя бы вон в тех темнеющих неподалеку зарослях? «Бырр!» – Клео поежилась.

– Так, не раскисать! – негромко скомандовала себе. – Лучше пойдешь подбрось валежника в огонь!

Клео по очереди обошла костры, разведенные по периметру стоянки и, не жалея, подбросила в каждый по большой охапке сухих веток. Затем неспешно вернулась к центральному огню и уселась около него. Малыш лег рядом, положив голову на лапы.

В царящей вокруг тишине проходили минута за минутой. Вдруг зверь поднял голову, пошевелил ушами и вопросительно взглянул на девушку. Клео успокоила его движением руки, сама же при этом внимательно осмотрела округу. Из кустов рядом с их стоянкой раздался стонущий смех. Клео подхватила с земли копьё и сильно сжала шершавое древко.

«Это, наверное, клыкан», – подумала она. Сразу вспомнился позапрошлый Ритуал. Тогда на приговоренных выпустили дюжину таких тварей. От их завываний у всех зрителей кровь стыла. Хохот повторился. «А может, это и скалозуб?» Огромная тварь. Поговаривали, всадника вместе с лошадью на раз-два может проглотить. Гунн-Терр как-то рассказывал, что вой скалозуба напоминает завывания заблудших душ в заброшенных каменоломнях. По ночам они стонут, так как не могут отыскать дорогу к Ушедшим богам, вот и маются сотни лет меж двух миров.

Клео решила было разбудить Гунн-Терра, но сразу же отказалась от этой мысли. Ведь «скалозуб» мог на поверку оказаться какой-нибудь не очень опасной мелкой тварью, и потом шуточек от охотников не оберешься. Ну уж нет! Не дождуся!

«Можно попробовать приманить тварь к костру, на свет», – подумала Клео. Потом с сомнением подбросила копьё в руке, словно пробуя на вес. Если тварь все-таки окажется клыканом или, не дайте Ушедшие, огромным скалозубом, то одним копьём тут не обойтись. «Лук!» – девушка еще раз приказала Малышу не трогаться с места, бесшумно поднялась и крадучись пробралась к своей палатке. Там лежал прекрасный эбеновый лук, несколько дней назад натянутый Гунн-Терром. Клео недавно с удивлением узнала, что это оружие не в почете у охотников Прилесья. Они никогда не берут с собой луки, когда уходят в Лес. В ответ на все ее расспросы Шептун только ворчал – мол, не любит Лес этого и все тут. Однако когда Гунн-Терр на перевале заметил молодую эбеновую рощу, то не смог удержаться и выстругал каждому по луку, затупив при этом дюжину охотничьих ножей. Только Шептун отказался. Ни к чему, сказал. Сила в руках уже не та, да и глаз не тот, что раньше.

Клео достала из котелка оставшийся от ужина кусок мяса: она так и не смогла осилить свою порцию. Мясо шестилапа горчило, было жилистым и пахло тухлятиной. Но не это главное. Как там Сит говорит? «Голод проймет – станешь есть, что Лес дает!» Что-то в этом роде. Небось, очередная глупая присказка неизвестного ей Валу. «Есть всяких там шестилапов! – Клео аж передернуло. – Нет уж, лучше помереть с голоду!»

Девушка решительно сделала несколько шагов к кустам, откуда недавно слышался стонущий смех, размахнулась и бросила жирный кусок мяса. Довольная собой, вытерла руки отраву, подбросила валежника в костер и спокойно уселась на землю рядом со зверьком. Положив лук на колени, она неспешно развязала тесемки, связывающие стрелы. Взяла одну, большим пальцем провела по заточенному наконечнику-острый!

Смех твари раздался вновь, но уже значительно ближе. Малыш привстал и громко фыркнул. Клео уже знала – так зверек выражал свое неудовольствие. Девушка была несколько удивлена, что никто из охотников до сих пор не проснулся. Голодная тварь, возможно, слышала фыркание зверька или почувствовала беспокойство девушки, – высунула из зарослей свою длинную морду. И тут до нее дошел запах приманки. Глаза твари блеснули, и она сделала несколько аккуратных прыжков в сторону костра.

«Клыкан!» – обрадовалась Клео. В глубине души она ожидала худшего. Шерсть на загривке Малыша встала дыбом, а по цвету практически слилась с землей. Дрожа от нетерпения, зверек смотрел то на девушку, то на крадущееся в тишине дикое животное.

Тварь медленно, то и дело останавливаясь и приседая, подбиралась к куску мяса. Царившая вокруг тишина успокоила ее. Девушка поначалу решила встать на одно колено, чтобы было сподручнее стрелять, но поняла – малейший шум насторожит тварь. Тогда Клео аккуратно положила стрелу на тетиву, вытянула ноги вдоль земли и начала медленно отклоняться назад, одновременно натягивая лук. Этому приему ее в свое время научил Гунн-Терр.

Лук был новый, не обстрелянный. Тетива предательски скрипнула, тварь мгновенно повернула морду на звук, и их с Клео глаза встретились. Дальше все произошло настолько стремительно, что в воспоминаниях девушки смазалось в одну картину. Клыкан прыгнул с места со скоростью слетевшей с предохранителя туго сжатой пружины. Клео выстрелила, метаясь в раскрытую пасть. Стрела, чуть задержавшись в полете, впилась в заднюю лапу твари, пробив ее насквозь. Выстрел все же не пропал даром – немного изменил траекторию прыжка, и мощные челюсти лязгнули над головой девушки. Зверь грузно приземлился, пронзительно завыл и стал кружиться на месте, поджав подстреленную лапу. Клео моментально встала на колени, прицелилась и выстрелила вторично. Тварь подскочила и, словно сраженная молнией, рухнула на землю с торчащей из уха стрелой.

Клео дрожащей рукой гладила вздыбленную шерсть Малыша, стараясь успокоить то ли зверька, то ли саму себя. К ней уже бежали охотники с копьями наперевес. На их лицах читались тревога, растерянность и непонятное смущение.

* * *

Не дожидаясь рассвета, маленький отряд поднялся на последний перевал. За ним простиралась Ближняя долина, а значит, уже сегодня они наконец доберутся до деревни охотников – их первого пункта назначения.

Остановившись на открытой ровной площадке, Шептун тихо крикнул и принялся судорожно тереть бороду. Сит по-детски ойкнул. Альвар переглянулся с Клео. Ник молча посмотрел вниз. Долины не было. Точнее, не было той самой долины, которую он покинул двенадцать декад назад. Сейчас на месте бывших зеленых лугов и плодородных полей темнел густой грязно-бордовый кустарник, сверху напоминающий коварную болотную топь. Из него тут и там торчали низкорослые деревья с широкими ярко-пятнистыми, как шляпки мухоморов, кронами.

– Что-то не дымят больше, – жалобно протянул Сит. – А как хорошо раньше дымили, чернее черного!

– Раньше дымили, – буркнул Шептун в бороду. – А сейчас не дымят, – он пожевал нижнюю губу, словно подыскивая слова. – Ну так и что? Сколько уж времени с Исхода прошло? Может, уже и не ждут никого.

Старик распрямил спину, поправил заплечный мешок и скомандовал:

– Будем спускаться! Сверху иногда кажется то, чего на самом деле нет.

Отряд двигался неторопливо. Степь незаметно перешла в Прилесье, и вниз идти было гораздо легче. Кроны деревьев – пока еще негустые – защищали охотников от прямых палящих лучей Орфиуса. Под ногами плотным ковром лежала пожухлая трава вперемешку с коричневым мхом. Шли молча. Каждый думал о своем, а возможно, все думали об одном и том же.

Ник украдкой бросал взгляды то на Шептуна, то на Сита. Что они чувствуют? Переживают? Ведь деревня охотников – это их дом, друзья. В таких относительно небольших этносах все друг другу как родственники. Да и почему как? Если не прямое, то дальней родство наверняка имеется. Хотя Шептун ведь не из этих мест. И Сит вроде бы тоже: старик рассказывал, что ему подкинули мальчика, когда тому и года от роду не было. Но все равно, как ни крути, Сит вырос здесь, а Шептун за столько времени уже сроднился с людьми Прилесья. Да и сам Ник, хоть и прожил тут совсем ничего, не мог скрыть тревогу. То и дело мысли возвращались к Рон, Валу, Ригу. Что с ними? Уцелели ли в этом катаклизме?

Ник непроизвольно поежился от нехоты нахлынувших воспоминаний. Он словно вновь очутился на открытой смотровой площадке восточной башни. Клубы пыли вдоль всего горизонта. Нарастающий гул, как от зарождающегося в пучине океана гигантского цунами. Дрожь земли от сотен тысяч лап, копыт, клешней, заставляющая вибрировать каждый и без того

гиперчувствительный нерв. Вспомнил сокрушительные волны тварей, одна за другой накатывающие на высокие каменные стены крепости, поначалу казавшиеся такими неприступными. Ник непроизвольно покачал головой. Первая же волна зверей-мутантов выбила добрую половину защитников крепости. Вторая заставила уцелевших бежать за Быструю воду. Третья волна поставила точку в многовековом противостоянии людей и Леса. Ник горько усмехнулся: его опять угораздило оказаться в центре исторического события.

Люди окончательно проиграли последнюю схватку, откатившись за водораздел. Что будет дальше, не ведал никто. Возможно, Лес, забрав себе в полновластное правление большую территорию материка, на этом и остановится?

Ник вновь покачал головой. Он в который раз поймал себя на том, что рассуждает о Лесе, как о разумной сущности. Раньше он безоговорочно отбрасывал от себя такие мысли, но последние события только подтверждали, что все не так просто и обычными совпадениями многие вещи не объяснить. Тварями явно что-то управляло. Что? Или кто? И вообще, уместна ли такая постановка вопроса? Он вспомнил, как животные с маниакальным упорством лезли в пылающие заградительные рвы, туша своими телами бушующее пламя, чтобы дать возможность идущим следом сородичам добраться до стен. Возможно ли такое в природе? Если и нет, то уместны ли здесь сравнения земной фауны с животным миром планеты, находящейся в тысячах парсек от обитаемой Вселенной?

Ник задумчиво почесал бровь. Что-то он упускал в своих рассуждениях. Вспомнились летуны, наплывающие на сторожевые башни в строгом шахматном порядке. Их синхронные перестроения, осмысленные атаки с разных сторон. Приобретенный поведенческий шаблон? Вряд ли. Шептун несколько раз обмолвился, что летуны за пределы Леса до сих пор не выывались. Да и Сит это подтверждал. И вообще, похоже, что люди с этими летающими тварями в естественной среде практически не сталкивались. Значит, не навык – не с чего ему было выработаться. Ник вновь потер лоб рукой. Тогда, может, такое поведение врожденное, инстинктивное? Ник нервно помассировал рукой лицо. Ему стало нехорошо. В голове крутилась мысль, которую он отчаянно отгонял, словно боялся, что она вот-вот окончательно оформится, и тогда вся построенная им ранее конструкция этого мира рухнет, а на ее месте возникнет совсем другая, более сложная и оттого еще более пугающая своей мощью.

«Не спеши Ник, не спеши! – осадил он себя. – Давай мыслить последовательно. Давай анализировать только факты. Как говорится, не стоит множить сущности без необходимости, – Ник замотал головой, словно отгоняя назойливый рой мыслей, жужжащий в черепной коробке. – Так, что у нас еще?»

Он задумался, вспоминая. Да та же землеройка! Подземная тварь, не хуже средневекового инженера-копателя прокладывающая ход под крепостной стеной, и не абы куда, а в центр площади – прямоком к оружейной. Лучшего места для прорыва Ник и сам бы не придумал. Еще бы! Обеспечить беспрепятственный доступ живой силы в тыл противника, вдобавок отрезав обороняющихся от складов с оружием. Случайность? Очередное совпадение?

А странный туман, всю дорогу до Костяного хребта преследовавший по пятам их небольшой отряд? Без сомнения, под его покровом скрывались твари, одна опасней другой! И еще не понятно, что было опаснее-твари или сам туман. Ник сглотнул густую слюну: перед глазами пронеслись картины разоренного схрона. Разбросанные трупы взрослых и детей, словно резиновые куклы, из которых наполовину выкачали воздух.

Ник резко остановился. Точно! Так и есть! Он еле удержался, чтобы не хлопнуть себя по лбу.

– Что встал, как вкопанный? – шедший позади Сит от неожиданности едва не угодил головой в его заплечный мешок.

– Сит, – не обращая внимания на ворчание мальчика, перебил Ник. – Вот ты мне скажи, а в Лесу твари между собой дружно живут?

– Ты бы, Ник, капюшон-то накинул, – фыркнул Сит, – а то Орфиус, видать, тебе голову хорошенько напек.

– Я, Сит, с тобой сейчас серьезно говорю, – Ник для верности крепко ухватил мальчишку за руку.

– Серьезно! – огрызнулся Сит. – Серьезно такие глупости даже дети вслух не произносят.

– Ну! – Ник сильнее сжал ему предплечье. Он злился на этого мальчишку, старавшегося из всех сил казаться взрослым, умудренным опытом охотником. Но больше всего Ник злился на себя, на свой скудный словарный запас, не позволявший подобрать правильные слова, задать понятные всем вопросы и, главное, получить на них такие же полные, развернутые ответы. Постоянное недопонимание, словно незримая глухая стена, всегда возникало между ним и аборигенами, стоило только, как и сейчас, завести разговор об этом их чертовом Лесе и кишачи-х в нем тварях.

– Ай! – Сит попытался вывернуться, но куда там. У этого Найденыша силища была – легче голыми руками клыканы пасть разжать!

– Ладно, ладно Ник, отпусти! – взмолился Сит, примиряюще замахав свободной рукой. – Да жрут они друг дружку, жрут! Аж за ушами хруст стоит. Они же твари лесные, что тут непонятного? Кто сильнее, тот и сытнее!

– А людей? – Ник ослабил хватку. – На людей в Лесу часто нападают?

– Да нет, не скажи, – Сит отошел от него на пару шагов и, морщась, принялся растирать руку. – Не часто, – он старался быть убедительным. – Ну, если на пути лишний раз не попадаться. И если не шибко голодные, само собой.

– Значит, что получается? – Ник обвел глазами подоспевших путников.

Гунн-Терр и Клео с некоторой тревогой смотрели на него. Сит всем своим видом показывал, что, мол, он всегда говорил, будто Ник бывает немного не в себе. Не часто, но случается. И только Шептун смотрел спокойно и даже отрешенно, покачивая головой, словно думал о чем-то своем. Накопившееся напряжение последних дней вырвалось наружу: уже ни к кому конкретно не обращаясь, Ник продолжал:

– Значит, в обычное время твари спокойно себе так живут, плодятся-размножаются, едят друг друга по мере необходимости, а как приходит время Исхода, вдруг ни с того ни с сего объединяются в огромную стаю и давай людей отлавливать? Что-то не складывается в одну картину, не находите? Вы, как я понял, всерьез считаете, что этот ваш Лес их на это толкает? – он обвел присутствующих взглядом. – Да? – все молчали. – Хм, то есть иными словами, Лес обладает разумом, – Ник еще раз хмыкнул. – Допустим. Хотя, что и кого можно считать разумным – это еще большой вопрос.

Он нетерпеливо махнул рукой, перебивая себя:

– Сейчас не об этом! Но объясните тогда мне, как это возможно? Как Лес управляет тварями? Посредством чего он отдает им команды, куда бежать и кого жрать? И где тогда его голова? Его центр?

Ник говорил быстро, словно боясь, что его остановят, то и дело сбиваясь, с трудом подбирая слова, еле сдерживаясь, чтобы не перейти на интерлинг. Ему катастрофически не хватало словарного запаса. Да и о чем вообще можно спрашивать людей, не имеющих ни малейшего представления об основах молекулярной генетики и нейробиологии?

Да что там генетика?! Для них такие простейшие понятия, как центральная нервная система или та же первая сигнальная система, просто темный лес! «Вот именно – темный лес, – Ник усмехнулся над получившимся каламбуром. – Нет, это все бесполезно». Он горько улыбнулся своим мыслям и замолчал.

– Я отвечу тебе, Ник, – Шептун прокашлялся и успокаивающе кивнул спутникам. – Только давайте сперва сделаем небольшой привал. Думаю, у всех нас достаточно вопросов друг к другу накопилось. Хорошо бы их все разрешить здесь и сейчас. Впереди Лес, там не до того будет. А недосказанность всегда боком выходит.

Костер решили не разводить. Поделили поровну остатки копченого мяса шестилапа. Сит сбегал к ближайшей роше и принес каждому по оранжевому плоду. Клео с недоумением принялась вертеть его в руках, даже постукала по твердой коже костяшками пальцев.

– Да, Великорожденная, немного недозревший, – Сит смешно развел руками. – Но сами посудите, только-только Исход прошел, где ж я вам зрелую водянку-то найду?!

Ник узнал этот плод: жители Прилесья часто использовали его для питья. Водянка была похожа на земной кокос, только имела ярко выраженный древесный привкус и сильно вязала рот. Валу говорил, что если водянку долго подержать на солнце, то она превращается в весьма сносную брагу. Правда, не каждая водянка для этого подходила. Валу что-то путано пытался ему втолковать, говорил, что с деревом зачем-то надо сперва долго разговаривать, а еще лучше разговаривать, когда оно совсем маленькое, и вот когда вырастет... Ник тогда решил, что или Валу был слегка навеселе, или он сам еще недостаточно хорошо усвоил местные обороты речи. Впрочем, брага сомнительного качества его мало интересовала, поэтому он быстро забыл о том разговоре. А вот сейчас вспомнил.

Ник ловко смахнул мечом верхний край плода и протянул девушке:

– Вкус на любителя, но жажду утоляет лучше воды.

– Спасибо, Ник, – Клео мило ему улыбнулась, а Ситу скорчила гневную рожицу. Видно, за «Великорожденную». Осторожно отхлебнув, сказала: – А ничего так, чем-то заварник напоминает. Только тот горячим подают.

– Молодец, Клео! – неожиданно похвалил Шептун. – Все правильно. Заварник как раз из кожуры водянки и делают. Мельчат сначала, а потом высушивают. В Городе заварник на вес золота ценится, а здесь – бери не хочу!

– Все-таки странно тут у вас все устроено, – откусив жилистый кусок мяса, Ник принялся интенсивно жевать. – Того, что в Городе нет, здесь полно. И наоборот. Что за Быстрой водой в изобилии, тут днем с огнем не сыщешь. Это же неправильно, если не сказать – глупо. Торговлю надо взаимовыгодную наладить – всем только польза от этого будет.

– У вас, – передразнил его Шептун.

Ник чуть не поперхнулся. Забыл, что старик просил при посторонних не касаться даже намеком своей прежней жизни. «Черт! Совсем расслабился!» – мысленно отругал он себя. Правда, после стольких испытаний, выпавших на их долю, назвать посторонними Клео и ее спутника у него язык не повернулся бы.

– А ведь Ник прав, – в голосе Клео прозвучали уже забытые повелительные нотки.

Мужчины сразу приосанились, внимательно взглянув на нее. Будто впервые видели. Вроде только что вместе с ними у костра сидела совсем еще девчонка в запыленной дорогами одежде. И вдруг моментально все изменилось: перед ними восседала дочь Верховного, не терпящая возражений и уверенная в своей правоте.

– Закон о запрете на торговлю Великого Города с Прилесьем давно устарел. И все это знают. А отменить страх мешает. Оттого и запрещают за Быструю воду что бы то ни было провозить.

– Не все так просто, – Шептун осторожно огладил бороду. – Торговать – это да, очень даже правильно. А вот все что ни попадя из Леса за Быструю воду тащить – это нельзя, большой бедой обернуться может. Это значит, специальные посты ставить надо, обученных людей к ним приставлять. А кому это надо? Лесничему? – Шептун взглянул на девушку. – Да ни в жизнь. Хранитель такую ответственность на себя не возьмет! У него и без торговли все хорошо, а на простых людей плевать он хотел.

Клео промолчала: старик почти слово в слово повторил сказанное как-то в сердцах ее отцом.

– Ладно, – Шептун снова потерял бороду.

Ник уже знал – это явный признак того, что старик нервничает.

– Сейчас не об этом, – Шептун вздохнул. – Впереди у нас большая дорога. Помните слова Нийи, сказанные нам на прощанье?

Все одновременно кивнули. Шептун, не глядя ни на кого, продолжил:

– Она сказала, что нас собрало вместе провидение. Хотя я никогда всерьез не верил во все эти провидения и всякие там предсказания, но сейчас это уж больно на правду похоже. Сильно мы тут все разные. И вроде как совсем не нужные друг другу.

Путники быстро переглянулись. Никто не возразил старику. Сит набрал было в рот воздуха, но в последний момент передумал и принялся носком сапога сбивать серый мох с земли.

Шептун удовлетворенно кивнул, оглядел поочередно своих спутников и, вытянув руку, указал чуть скрытым пальцем на Клео:

– Ты – дочь Верховного, так?

Вместо ответа девушка бросила на старика быстрый взгляд, непроизвольно приосанившись.

– Ты, – он перевел палец на ее телохранителя, – альвар из древнейшего рода Терров.

Воин слегка кивнул, соглашаясь.

– Ты, Сит, – подкидыш, без роду и племени.

Мальчик встрепенулся, хотел что-то возразить, подавшись вперед, но под взглядом Шептуна осекся и вернулся на свое место.

– Ты, Ник, – найденыш, человек из Дальних земель, ищущий дорогу домой. Ник отвел взгляд, а Шептун, тяжело вздохнув, ткнул себя пальцем в грудь:

– И я, гражданин Великого Города, Рич из рода Вестгейров, в Прилесье зовущийся Шептуном.

Мальчишка опять вскочил со своего места, с искренним недоумением посмотрел на старика, потом заглянул каждому в глаза, словно ища поддержки. Спутники только смущенно отводили взгляд.

– Да-да, Сит. Твой учитель родом из Города. Теперь ты должен это знать.

Казалось, мальчик сейчас заплачет: он уселся на свой мешок, повернувшись ко всем спиной. Шептун вздохнул:

– Неспроста это все, – он задумчиво покачал головой и закончил: – А значит, каждый для чего-то да согдится. Поэтому тайн между нами быть не должно, – он сделал ударение на первый слог. – Что-то в каждом из нас есть такое, что, может, человек и сам о себе не знает, а другие знать должны.

В воздухе повисло молчание. Все переваривали услышанное.

– Ну, коль я начал, мне и продолжать, – Шептун посмотрел на Ника. – Ты ведь, Ник, и вправду с Дальних земель будешь. Поначалу я, признаться, не верил, присматривался, – старик крякнул в бороду. – Да и как такому поверить. Чего я только не передумал, – он снова покачал головой. – Язык ты наш не понимал, это раз, – Шептун принялся загибать пальцы. – О Лесе ничегошеньки не знаешь. А им даже степняки детей своих пугают. Это два.

Ник, не скрывая любопытства, внимательно слушал старика.

– О Городе слухом не слыхивал, это три. Уклад наш ты не понимаешь. Наивен порой, как ребенок, но не дурак. Знания имеешь – многих мыслителей за пояс заткнешь, это уже четыре, – Шептун опять тяжело вздохнул. – Много чего еще перечислять можно, но главное – Дар ты не чувствуешь.

У всех присутствующих вырвался вздох удивления. Все как один уставились на Ника. Тот с не меньшим удивлением обвел взглядом друзей.

– Вот оно что! – воскликнула Клео и тут же от чего-то смутилась. – Но так же не бывает, Шептун. Дар на всех ложится – и на людей, и на тварь лесную. Может, он из этих? – девушка замолчала, еще больше смутившись.

– Нет, не из этих, – Шептун поднял голову, посмотрел прямо в глаза Клео и, предупреждая следующий ее вопрос, твердо сказал: – Я сам, как вы, Великорожденная, изволили выразиться, «из этих».

Девушка от неожиданности присвистнула, альвар с силой клацнул мечом о ножны.

– Что тут происходит? – Ник, молчавший все это время, недоуменно переводил глаза с одного на другого. – О чем вы все тут толкуете?

– Ник не может использовать Дар, – Шептун спокойно смотрел на замерших в напряжении девушку и ее телохранителя. – Я, – произнес он с нажимом, – могу.

– Никогда не любил откровений, – Гунн-Терр еще раз звонко клацнул мечом и отвернулся.

– Может, кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? – Ник снова попытался прояснить ситуацию.

– погоди, Ник, – Шептун остановил его взмахом руки. – А ты сама, Клео, ничего в себе такого необычного не ощущала? Может, срезанные цветы в твоей комнате дольше стоят, не увядая, чем у других, а? Или, скажем, боль руками снимать можешь?

– Ты что, старик, себе позволяешь?! – в руке альвара сверкнул меч. Воин выхватил его настолько молниеносно, что тот, казалось, сам прыгнул ему в ладонь. – Ты на что это, дряхлый отверженец, намекаешь?

– Остановись, альвар! – в голосе Клео звякнул металл. И уже обращаясь к Шептуну, спокойно произнесла: – Насчет цветов не скажу, а боль, наверное, могу. Отец меня часто просил ладони у висков подержать. Говорил, что я ему боль как рукой снимаю, – Клео задумалась. – Да ты и сам, Гунн-Терр, сколько раз после ваших тренировочных боев просил в ушибы тебе мазь втирать. Тоже говорил, что у меня руки золотые.

– Это ничего не значит! – отрезал альвар.

– Когда мы от тумана с холма уходили, – задумчиво произнес Шептун, – думал, все – не вырвемся. Слишком много в нем тварей голодных рыскало. Всех не отвести от нас было. По пятам шли, – он несколько раз огладил бороду. – Вдруг, чувствую, легче стало – помогает кто-то. Не чуют нас твари.

Потеряли и все тут! Потом, как выбрались, на тебя глянул – тут и понял все. Раньше еще какие-никакие сомнения были, а после того случая все ясно сделалось.

– Что-то тут ты, Шептун, путаешь, – Клео неотрывно смотрела на старика. – Тогда я испугалась так, как никогда в жизни. Еле шла, словно на ватных ногах.

– Испугалась она! – Шептун спрятал улыбку в бороде. – Кто ж тогда не боялся-то. А о чем думала, когда по топи болотной шли?

– Думала? – Клео наморщила лоб. – Да ни о чем! Больше всего тогда хотела стать маленькой, незаметной... – девушка осеклась на полуслове, но все же закончила: – И оказаться подальше оттого места.

– Вот! – Шептун поднял палец. – А что я вам втолковываю?

– Не слушайте его, Великорожденная. Старик то ли сам себе непонятно что напридумывал, то ли с одному ему ведомой целью голову нам морочит.

– Дар по-разному у людей открывается, – не обращая внимания на слова альвара, продолжал Шептун. – У меня – в самом детстве, когда родители заболели. Мор в тот год много жизней забрал. Отец быстро умер. Под утро кровь горлом пошла. А мать... Испугался я тогда сильно, – Шептун вздохнул, – что один останусь. Ни днем ни ночью от кровати ее не отходил. Ни поесть, ни попить. Через несколько дней на поправку пошла. Потом я заметил: стоит мне ненадолго по делам из дома отлучиться, как ей хуже становится. Пока окончательно болезнь

не извел, – Шептун, задумавшись, замолчал. – Недолго мать, правда, об отце горевала. Богатого торговца в дом привела, а потом и меня в Магистратуру пристроила, – Шептун горько вздохнул. – Ну, и на том спасибо.

Все молчали. Альвар убрал меч обратно в ножны, но судя по игравшим желвакам на его скулах, был на взводе.

Ник осторожно кашлянул, привлекая к себе внимание:

– Вы меня, конечно, простите, что снова вмешиваюсь, но я ничего не понимаю. Ни-че-го.

– Ну вот, Ник, – Шептун как-то весело взглянул на него, – теперь и до тебя очередь дошла. Устраивайся поудобнее, разговор долгий будет.

Он прокашлялся, громко отхлебнул из бурдюка, обер рот рукавом.

– Хочешь знать, что такое Лес? И почему твари ему послушны? – Шептун улыбнулся. – Это, Ник, вопрос вопросов. Я бы, не задумываясь, правую руку на отсечение отдал за это знание. Да что там руку! – старик вздохнул. – За Истинное Слово можно и жизнь отдать.

– Истинное Слово? – Ник недоуменно уставился на старика.

– Да, Истинное Слово. Тот, кто его узнает, сможет управлять всеми тварями лесными, – Шептун на минуту замолчал, потом продолжил: – А может, и самим Лесом.

– И людьми, – Гунн-Терр недобро посмотрел на Шептуна. – Да, старик?

– Действие Дара на людей сильно преувеличено, – Шептун выдержал холодный взгляд воина. – Тебе лине знать этого, альвар?

Клео вопросительно взглянула на Гунн-Терра, потом перевела взгляд на Шептуна:

– Ты о чем это сейчас, Шептун?

– У альваров высокий порог сопротивляемости воздействию, – Шептун погладил бороду. – У чистокровных, конечно.

– Еще немного и ты перейдешь черту, старик, – Гунн-Терр сказал это будничным тоном. Но от его слов повеяло смертью.

– Даром можно воздействовать одновременно на одного-двух человек, возможно, чуть больше, – Шептун даже бровью не повел. – И то ненадолго, – старик задумчиво покусал нижнюю губу. – Внушить ложную мысль целому народу можно только через слепую веру. А это уже к Дару никакого отношения не имеет.

Альвар молчал. Нужно было время, чтобы лучше проанализировать ситуацию. Он с самого начала заметил некоторые странности в поведении старика. Его поистине звериное чутье на тварей. Да и проводником он оказался отменным. Этого у него не отнять. Гунн-Терр тогда все списал на опыт. Не зря же Шептун прожил столько лет в Прилесье. А вот сейчас обман раскрылся: старик оказался отверженцем. Гунн-Терр отошел подальше от костра. Он и так позволил эмоциям взять над собой верх. Надо привести себя в порядок, а главное – принять решение, что же делать дальше. Вернуться с Клео назад? Возможно, им повезет, и они доберутся до Костяного Хребта. В скалах он чувствовал себя намного увереннее, чем здесь, в степи. Можно будет пройти той же дорогой, которой шли сюда. Он помнил ее прекрасно: все тропы, каждый опасный подъем и крутой спуск, стоянки, где можно переночевать и набраться сил. Но рано или поздно придется спуститься. Гунн-Терр видел, как быстро Лес захватывает еще вчера казавшиеся безжизненными территории. Разрастается, меняя прежний ландшафт до неузнаваемости. И даже если отбросить более чем реальную опасность, исходящую от многочисленных, неведомых ему тварей, кишмя кишящих в густых зарослях, то и тогда можно всю оставшуюся жизнь проблуждать в лесных дебрях в бесплодном поиске дороги домой.

Гунн-Терр остервенело пнул торчавшую из пористого мха полусгнившую корягу. Вместо ожидаемого хруста раздался слабый писк. Отлетевшая в сторону верхняя часть коряги принялась вдруг извиваться словно ползун, брошенный на угли, и мгновение спустя скрылась в кустах. Оставшийся корень заворочался в открывшейся ямке, потом, издав чавкающий звук, исчез, будто кто-то резко втянул его под землю.

– Лес тебя побери! – сквозь зубы выругался альвар, быстро отступив на несколько шагов. Он оглянулся. Кажется, никто из спутников не заметил его испуг. Клео что-то оживленно говорила старику. Сит все так же с отсутствующим видом сидел на земле, Ник столбом стоял рядом. Парень, похоже, действительно ничего не понимал. Гунн-Терр вздохнул. И как же его, опытного воина, угораздило поддаться на уговоры девчонки? Сразу было ясно, что это безумие – отправиться в Лес вот так вот, без должной подготовки, непонятно с кем и, главное, зачем? «И что теперь делать?» – в который уже раз спросил он себя.

Гунн-Терр немного повздыхал, потер шершавыми ладонями застывшее маской лицо, расслабил плечи и, стараясь держаться как можно беспечнее, вернулся к костру.

Тем временем Шептун продолжал, обращаясь уже к Нику:

– Никто точно сказать не может, что такое Лес. Кто-то считает, что Лес был всегда. Кто-то – что он появился с первыми людьми, бежавшими сюда с Дальних земель. Историю про Первый Исход ты уже знаешь. Ее все знают, – Шептун взглянул на Клео. – Большинство людей, особенно живущих за Быстрой Водой, считают его карой за грехи человеческие. Возможно и так. Скорее всего, так когда-то и было. Но сейчас, – Шептун несколько раз огладил бороду, – думаю, что Лесу до людей никакого дела нет.

– Нет? – воскликнула Клео.

Ник с удивлением поднял брови. Гунн-Терр с безразличным видом уселся чуть поодаль на ствол сломанного дерева. Сит же, напротив, позабыв обиду, подвинулся поближе.

– Как же так – нет, Шептун?

– Может, раньше и было дело. А сейчас прет сплошной стеной, никого не замечая. Словно Быстрая Вода – людей, как щепки, смывает, – Шептун горестно вздохнул. – А вот скажите мне все, что, по вашему мнению, есть Исход?

Все молчали. Клео развела руками, мол, что об этом говорить, и так сказано предостаточно. Один Сит не выдержал, энергично почесав коленку, высказал общее мнение:

– Исход – он и есть Исход. Кара за грехи наши прошлые. Кто-то давно лишнее у Леса взял, а мы тут все за него и расхлебываем.

– Кара, – Шептун скептически усмехнулся. – Ну это как посмотреть. По мне так это, скорее, обновление будет, – он взглянул на слушателей и повторил: – Обновление. Все привыкли думать, что Лес так людишек наказывает, а на самом деле Он просто растет. Растет с каждым Исходом, – Шептун замолчал, почему-то взглянув на Ника. – Вот что именно происходит во время Исхода и сразу за ним, а? Задумывались? – он всем телом повернулся к Ситу. – Вот ты мне ответь. Ты, Сит, житель Прилесья, лучше городских знать должен. Им-то из-за стен да Быстрой Воды всего не видеть.

Сит замялся ненадолго, потом начал говорить:

– Ну, я всего-то один Исход и застал. Ну, кроме последнего, конечно. Да первый и не помню особливо, маленький был. Ну, в Башне отсиделись тогда, потом обратно домой вернулись.

– Правильно говоришь, Сит, – подбодрил его Шептун. – А потом что было? Расскажи, что помнишь.

– Потом? – Сит с неким подозрением взглянул на старика. Мол, с чего это вдруг его рассказать просят? Сам-то уж гораздо больше его, Сита, знает. Но рассудил: если Шептун считает, что так лучше будет, то чего уж ему и не рассказать.

– Ну, Исход нашу деревню тогда только краем задел. Дома почти у всех уцелели. Собиратели, помню, нарадоваться не могли. Лес Дары принял, много новых саженцев на полях уродилось. Да и наши охотники весь последующий год их из Леса мешками таскали. С пустыми руками никто не возвращался, – Сит вдруг улыбнулся, вспоминая. – А мы их потом с ребятами соседскими по ночам караулили, чтоб они, значит, обратно в Лес не убежали. Молодые

саженцы та-ки-е, – протянул он, – шустрые! В общем, много вкусоностей уродилось – от пуза ели. Собиратели не успевали урожай снимать, нас, малых, на поля все зазывали – ешьте, говорят, сколько влезет, а то все равно пропадет.

– Правильно рассказываешь, Сит. Так всегда после Исхода. Первый год саженцы плодоносят без перерыва, только и успевай плоды собирать. Потом все реже и реже. А плоды скоропортящиеся. Сколько я ни бился, а так и не нашел способа их долго в сохранности держать, – Шептун почесал бороду. – Через три-четыре года плодов на всех уже не хватает, вот и приходится охотникам за новыми саженцами в Лес отправляться. Но уже не каждый для урожая подходит. А то и вовсе, как не уговаривай, не приживается. Только молодые для посадки пригодны, а молодые, как известно, в глубине Леса прячутся, у Гнилых болот все норуют сخورنться. Добывать их все опаснее становится. Спросите у любого охотника.

– Вот оно что, – Ник поднялся со своего места. – А я все думал, почему у вас такое разделение на охотников и собирателей. Теперь ясно, – он решительно передвинул свой мешок и уселся напротив старика. – Кажется, все становится более-менее понятно, – Ник глубоко вдохнул, будто собрался нырнуть. – Поправь меня, Шептун, если я что-то не то скажу или напутаю.

Он заговорил быстро, словно размышлял вслух, а может, боялся, что его остановят или он сам собьется и упустит нить связного повествования.

– Так что же получается? Значит, Лес – это что-то вроде организма, единая большая самоорганизующаяся сущность, возможно, и с зачатками разума? Раз в десять лет наступает обновление. Для этого Он исторгает из себя полчища пожирателей, за ними следом кого еще покрупнее, а в Лесу этого добра, как я понимаю, хватает. И вот эти самые пожиратели и иже с ними под корень уничтожают всю старую, отжившую свое... – Ник запнулся, подбирая аналог слова «биомасса» в местном языке. Не найдя, махнул рукой и продолжил: – Траву, кусты, да любое существо, которое попадется у них на пути, пусть то тварь или человек, без разницы. В каких-то определенных местах часть их останавливается. Твари кучкуются и каким-то непонятным образом «прорастают», как вы это называете. На этих местах образуются проплешины-кляксы, которые в свою очередь перерождаются – кто в гнилое болото, кто в зеркальное озеро или еще там во что-то...

На секунду задумавшись, Ник пробормотал себе под нос: «Сюда бы этих умников с кафедры абиогенеза, вот бы они тут вволю подискутировали».

– И начинается новый цикл, – он взглянул на старика. – Правильно я излагаю, Шептун?

– В целом, правильно, Ник, – Шептун довольно усмехнулся. – Только чтобы прорасти, споры, как правило, требуются, – он снова принялся гладить бороду. – А может, и еще чего, – Шептун задумался. – Но споры точно нужны, их на себе пожиратели переносят. Или, как в последний раз, – летуны.

– Невероятно! – Ник не удержался от восклицания. – Просто невероятно!

Ободренный реакцией Шептуна, Ник совсем перестал следить за своей речью, то и дело, переходя на интерлинг:

– Это же огромный и, возможно, псевдоразумный биоценоз!¹ Это же самая настоящая! Это же... огромная фабрика по переработке и производству биомассы, причем с заранее заданными параметрами – Ник даже вскочил со своего места. – Это же направленная эволюция! Самоэволюция! – вдруг ему в голову пришла еще одна мысль: – Скажи-ка, Шептун, а после Исхода, случайно, не появляются новые разновидности тварей? Ну, такие, которых до этого никто никогда не встречал?

¹ Биоценоз – это исторически сложившаяся совокупность животных, растений, грибов и микроорганизмов, населяющих относительно однородное жизненное пространство (определённый участок суши или акватории), и связанных между собой окружающей их средой. Биоценоз – это динамическая, способная к саморегулированию система, компоненты которой (продуценты, консументы, редуценты) взаимосвязаны.

– Ник! – встрял Сит. – Ну ты опять за свое. Ну ведь ничего не понятно, что говоришь. Одно слово нормальное, человеческое, другое – будто в брюхе шестилапа урчит.

– Подожди, Сит! – одернул мальчишку Шептун. – Ты так и не понял? Когда Ник волнуется или нашими словами мысль выразить не может, то на свой язык переходит.

– На какой такой свой, Шептун? – Сит недоуменно округлил глаза.

– Потом сам у него спросишь, – Шептун отмахнулся и заинтересованно взглянул на Ника. – А как ты догадался?

– Значит, я прав? – вопросом на вопрос ответил Ник.

– Да, ты прав, – Шептун почему-то понизил голос. – Всякий раз после Исхода вылезают новые твари. Да и старые так могут измениться, что сразу и не признаешь. Переродками их зовем. Их мне охотники из Леса приносят. Как правило, дохлых. С новыми тварями сложнее: повадки их не известны попервости, потому и предпочитают их сразу убить, а не в силки заманивать, – Шептун вздохнул. – Не нравится мне это. Очень не нравится. А ты что об этом думаешь, Ник?

– Лес меняется, подстраивается, приспосабливается для каких-то своих нужд. Называется это, Шептун, э-во-лю-ци-я, – Ник произнес это слово по слогам на интерлинге.

– Э-во-лю-ши-я, – Шептун повторил за ним довольно сносно и будто пробуя новое слово на вкус.

– Только эволюция – очень длительный, эээ... – Ник замялся, не находя слову «процесс» местного аналога. – Очень длительное время занимает в природе. Много-много поколений должно смениться, чтобы произошли видимые изменения. А здесь, как я понимаю, раз в десять лет.

– А зачем Лесу меняться-то? – Спросил Сит, украдкой покосившись на Шептуна. – Ему и так хорошо.

– Ну, скажем, – Ник задумался. Какой же пример привести, чтобы было наглядно и понятно всем? Он вдруг вспомнил рассказ старика о летунах. Да, пожалуй, сойдет. – Ну, вот, например, возьмем летунов. – Ник посмотрел на Сита. – Летуны ведь никогда так далеко не залетали, как в этот Исход, так?

– Так – Сит согласно кивнул. – Ни разу их и в Прилесье-то не видал. Не то что за Быстрой водой. В Лесу – да, встречали пару раз. Валу не даст соврать.

– Значит, не залетали? – Ник, словно ища подтверждение, посмотрел на Шептуна. Старик молча кивнул. – Думаю, прежние летуны не могли долго в воздухе держаться. Видно, для других целей они Лесу нужны были. А сейчас, как мы все уже знаем, цели у него поменялись. Вот он их и приспособил для дальних полетов, – Ник сам присвистнул от нарисованной им картины. Это какой же должен быть мощный биогенез! Просто невероятно!

– Ну, это-то понятно, – Сит задумчиво почесал затылок. – А цель-то какая, не пойму?

– По всему выходит, что земли по ту сторону Быстрой воды, – Ник посмотрел на Клео и, словно извиняясь, развел руками: – Не удивлюсь, если в ближайшем будущем и какие-нибудь водоплавающие твари появятся.

Он вдруг осекся, увидев промелькнувший ужас в глазах девушки. «Ах, я и дурак толстокожий! Ведь сейчас речь идет о ее доме, о судьбах родных и близких людей. Теоретик хренов!» – еще раз обругал он себя.

– Ну, возможно, все не так плохо, – Ник постарался придать голосу больше убедительности. – Тут важен вопрос времени. Хорошо бы понять, насколько быстро Лес может самоэволюционировать, то есть создавать новые виды тварей и переродков, – он взглянул на Шептуна. – Отличаются современные летуны от тех, которые были, скажем, два-три Исхода назад? Ты должен помнить...

– Отличаются. Раньше летуны не такие большие были. Форму свою не меняли так, как эти. Не припомню, чтобы и на людей нападали. Полетают чуток и осядут, где надо, – старик

продолжал теребить бороду. – Я, кажется, понял, куда ты клонишь, Ник. Вообще-то, они не так уж и давно появились, – он замолчал, принялся шевелить губами, словно подсчитывал что-то в уме. – Да, точно. Это было четыре Исхода назад. Я тогда чуть постарше тебя был, – Шептун усмехнулся. – Молодой, любознательный, только из Города в Прилесье подался. Одержим тогда был идеей Старый город отыскать, – старик тихо крикнул. – Ну, сейчас не об том речь.

Так вот, забрели мы тогда с Колпом глубоко в Лес, места никем не хоженные, дремучие. Деревья стеной непроходимой стоят, неба за их кронами не видно, словно срослись в одно целое. Так и шли все дальше и дальше. Сколько шли, сказать потом ни он, ни я не могли. Может, сутки, может, трое, а может, и все пять. Не было там ни дня ни ночи, только марево зеленое стояло. Колп хорошим следопытом уже тогда был. Лес чувствовал, как никто другой. Остановился вдруг и говорит: «Не пускает нас Лес дальше. Кругами водит, путает. Не хочет нам что-то показывать». Но мне тогда все едино было. Ну, деревья друг на друга похожие стоят, ветвями друг к другу притянутые. Ну, мох, может, сильнее обычного светит, а так вроде никакой опасности не чувствую. Но Колп продолжает песню свою: «Который раз уже здесь проходим. Когда, – говорит, – это почувствовал, зарубки принялся оставлять. Вот, – говорит, – посмотри». Я глянул – действительно, зарубка. Ствол ее почти затянул, но знак Колпа ни с чем другим не спутаешь. Он крест-накрест ставит, длинно так. «Понял теперь, Шептун? – говорит. – Точно по кругу нас водит. Сейчас впереди, смотри внимательно, проход неприметный по правую руку будет – не мешкай, сразу за мной ногу в ногу ступай».

И точно – не прошли мы и ста шагов, вижу, справа от тропы лежит дерево поваленное. Корнями в нашу сторону из земли раскинулось. Теперь, после того как мне Колп-то все разъяснил, я тоже узнал это место. Точно ведь, несколько раз мимо него хаживали. Как раньше не заметил, только гадать оставалось. Колп с тропы резко свернул да меж корней полез. Я – за ним, отстать боюсь. Долго пробивались. Корни цепляются, руки-ноги обвивают, так и норовят спеленать да упокоить. Все руки до крови оборвали, но успели.

Когда наконец выбрались, прямиком на другую тропу скатились. Совсем свежая. Стинхами протоптанная. По запаху – дня два назад, не больше. Повезло нам тогда. Видать, один из стинхов походя выдернул то дерево с корнем, вот проход и образовался.

Ну, как отдышались мы с Колпом, так и пошли в противоположную от стинхов сторону. У них свои дела, у нас свои. Очень Колп заинтересовался, что Лес от нас скрыть хочет. Ну и мне тогда только дай загадку, – Шептун вздохнул. – Молодой был. После стинхов по тропе одно удовольствие идти. Ровная, широкая, ни одна тварь три дня не сунется. Запах, конечно, я вам скажу... – Шептун смешно потянул носом воздух. – Но тут уж ничего не поделаешь.

Недолго мы прошли, как вдруг тропа закончилась, как отрезало, и топь началась. Мы еще с Колпом переглянулись – откуда тогда стинхи взялись, не из топи же, право дело? – Шептун крикнул в бороду. – Не знал тогда, что в Лесу и не такое случается. Бывает, утром прошел по сухому: деревья кругом высоченные, будто сто лет здесь стоят, крон снизу не разглядеть, – а возвращаясь к вечеру – бац! Озеро стеклянное на том самом месте колышется, – Шептун натужно закашлялся. – Будь оно неладно! – он отер рот рукавом и продолжил: – Поэтому карт Леса и не существует. Так, кое-какие ориентиры только, – Шептун неопределенно махнул рукой.

Замолчал. Потом спохватился:

– Ну так вот, мы уже с Колпом назад решили повернуть, как услышали, – он на секунду задумался, – гудение. Низкое такое, тяжелое. По топи рябь пошла, ну, мы и залегли, где стояли. Смотрим – то в одном месте, то в другом завертело, закружило, и от земли вихри вверх поползли. Внизу, у основания, тоненькие, а кверху все шире и шире. И черные. Точно небо ночью, когда Всевидящее Око тучей надолго закрывает. И столько их там было, я вам скажу – не сосчитать. Повисят так – повисят, потом втянут отростки в себя и улетают. А на их месте новые вихри занимают, – Шептун кашлянул, оглядел товарищей и закончил свой рассказ. –

Вот тогда я в первый раз летунов-то и увидел. Да и Колп тоже. Правда, это потом их стали так называть. Кто-то, видать, сказал, да и прижилось название. А что? Летают – значит, летуны.

Все молчали. Сит в задумчивости чертил носком сапога замысловатые фигуры, Гунн-Терр с безучастным видом пожевывал травинку, время от времени перекидывая ее с одной стороны рта на другую. Клео сидела, подперев руками подбородок и чуть прикрыв глаза.

Ник размышлял. То, что он совсем недавно пытался не замечать и изо всех сил старался выбросить из головы, сформировалось в стройную теорию. «Теперь не отмахнешься, – с некоторой горечью подумал он. – Итак, что мы имеем? Все же, вероятно, правильнее исходить из предпосылки, что Лес разумен. Или, по крайней мере, обладает сознанием. Во всяком случае, если это и не так, то пока правильнее будет отталкиваться от этой точки зрения. Иначе при принятии решений легко недооценить противника, – Ник не заметил, как начал грызть ногти. – Поворот, прямо скажем, крутой и не из приятных. Не из приятных! – передразнил он себя. – Да это просто... – он постеснялся мысленно закончить фразу. – Одно дело иметь противника в лице безмозглых тварей, пусть многочисленных и заточенных на убийство людей. Совсем другое – противостоять не гуманоидному разуму, который управляет этими самыми тварями. А возможно, даже и создает или, правильнее сказать, выращивает их для своих, только ему понятных целей».

Ник постарался представить себе эту псевдоразумную сущность, но от такой картины ему стало нехорошо. Он несколько раз глубоко вздохнул и попеременно напряг и расслабил плечи. Ощущение, будто он только что пропустил прямой удар в солнечное сплетение, понемногу проходило. «Боишься?»-спросил он себя. И немного поколебавшись, все-таки вынужден был признать, что да. Он боялся. Что он один может противопоставить этой громадине, раскинувшейся на большей части этого континента труднопроходимыми джунглями, кишачими голодными стаями зверей-убийц? «Эх, мне бы сейчас “малютку”², или, на худой конец, ремонтный резак с плазменной насадкой... – Ник неожиданно для себя разозлился. – Ага, может, тебе еще и скафандр высшей защиты с полным боекомплектом?! – вспомнились слова Овсянникова, гонявшего их взвод на тренировочном полигоне. – Отставить, стажеры, пораженческие настроения! Только вперед! Без страха и упрека!» И почему-то стало легче.

– Только вперед, – еле слышно повторил он. – Да и отступать уже некуда. Впереди Лес, позади теперь тоже Лес.

Ник украдкой посмотрел на Шептуна. Старик говорил о каком-то Истинном Слове. Мол, если его узнаешь, то сможешь подчинить себе любую тварь, а возможно, и сам Лес. Что это – очередной лирический опус или нечто и впрямь несущее реальный смысл? Раньше он отбросил бы в сторону подобные измышлизмы, однако сейчас был уже не столь категоричен. Да! Ник вдруг вспомнил сегодняшнюю перепалку Гунн-Терра с Шептуном. Всегда сдержанный, спокойный, как скала, альвар вдруг ни с того не с сего чуть не набросился на старика. Речь зашла о каком-то Даре. Вроде поначалу все спокойно разговаривали. Шептун что-то там рассказывал. Ник начало разговора пропустил и сейчас пытался вспомнить, с какого именно момента все началось?

А, точно! Речь как раз зашла о нем, Нике, и Шептун объявил, что это не Ник, а он сам обладает Даром. Точно! Потом Шептун добавил, что и Клео обладает Даром, только не понимает или не чувствует этого. Как раз это известие окончательно и вывело из себя Гунн-Терра. Ник покосился на старика. Хорошо бы выяснить подробнее, что это за Дар такой. Но, пожалуй, не сейчас. Все и так не на шутку напряжены.

² ручной дезинтегратор малого радиуса действия(воен.)

Глава 4

Покрытое тонким слоем пыли лицо степняка не выражало никаких эмоций. Маска, да и только. Глаза стоявшего перед Хватом старика выглядели узкими щёлками, казалось, что житель степей впал в сонное оцепенение при виде чужаков. Но человека, хорошо знакомого с манерой поведения кочевников, это не могло ввести в заблуждение. По едва заметному вздрагиванию век степняка было заметно, что он тщательно осмотрел незнакомца, задержав взгляд на некоторых предметах экипировки. Хват давно уяснил, что понравившуюся кочевнику вещь лучше подарить сразу. Тем самым можно расположить к себе жителя степей, тут же вспоминающего о древних законах гостеприимства, а заодно и обезопасить свою жизнь.

Кочевники – люди скромные, сами ни за что не заговорят о понравившемся, но отобрать могут запросто. А уж если решат, что, защищаясь, незнакомец предлагает посостязаться в умении владеть оружием, то охотно откликнутся на подобную инициативу. Может, и не убьют, но в случае поражения чужака, его точно оберут до нитки. По местным неписаным правилам, проигравший недостоин хорошего имущества. Это не означает, что победителю степняков будут оказывать почести. Молва о том, что какой-то пришлый чебех – так между собой жители степей именовали чужеземцев – победил коренного качикона, мигом разнесётся по степи, и желающих отомстить за соплеменника отыщется невероятное множество.

Обо всем этом Хват был прекрасно осведомлён, поэтому и нацепил на поясной ремень шикарный нож с наборной рукоятью. Ножны украшал традиционный для степняков орнамент, говоривший о том, что владелец оружия отважен и удачлив. Таких ножей глава Тайной сыскной канцелярии взял полторы дюжины. Опытный человек, собираясь в дальнюю опасную дорогу, тщательно продумывает, какую брать собой поклажу, чтобы не перегрузиться без меры и нести только самое необходимое. Ради ножей Хват пожертвовал солидной частью носимых запасов воды и продовольствия, здраво рассудив, что провиант не понадобится, если не удастся найти общего языка с жителями степей.

При виде ножа старый кочевник не удержался и раздул ноздри в знак восхищения. Со стороны могло показаться, что он просто шумно выдохнул, устав стоять столбом под палящими лучами Орфиуса. Хват неторопливым движением снял с пояса ножны, обнажил клинок, и на его зеркально отполированной поверхности заиграли ослепительные блики. Судя по небогатой одежде степняка, такой нож ему удалось бы купить, только продав всё своё хозяйство, включающее небольшой табун коней и три крытых драным войлоком шатра. Добиваясь максимального эффекта, Хват подкинул нож в воздух, ловко поймал его и, перехватив за лезвие, протянул кочевнику.

Старик принял подарок как должное, ножны забрал сам и даже не произнёс слов приветствия, чем слегка озадачил Хвата. Раньше подобного подношения было достаточно, чтобы путника пригласили в жилище – гэр и предложили чашку бодрящего напитка из местных горьковатых травах. Не раздумывая долго, агент Судьи показал степняку точильный брусок из камня, добываемого только в Белых Скалах. С помощью такого оселка удавалось поддерживать режущую кромку ножа в идеальном состоянии. Второй подарок стоил не намного дешевле первого, и на этот раз кочевник остался удовлетворен.

– Позволь поделиться с тобой прохладой, незнакомец, – старик огладил жиденькую бородёнку и указал на видневшиеся за ближайшим холмом шатры. – Мой гэр открыт для тебя.

– Не иначе как сама Лао-Тын привела меня к твоему порогу, почтеннейший. – ответил на языке кочевников Хват. – Да будет благословенен очаг твой, да не переведётся вода в твоём колодце, да пребывают всегда с приплодом твои кобылы.

Произнося «кобылы», Хват сознательно использовал двусмысленный оборот речи, равно применявшийся в отношении лошадей и в отношении жён степняков. Это в Великом Городе,

риски-ка в разговоре с женщиной сравнить её с кобылой – моментально узнаешь о себе и своих родственниках столько интересного в самых цветистых выражениях, что рот раскроется от удивления. А здешние жители лошадей боготворили и не видели ничего дурного в подобных аналогиях. Сравнить женщину со священной кобылой Лао-Тын – сделать ей комплимент наивысшей пробы. Хват не стал мелочиться, и похвалил всех жён степняка оптовым порядком.

Каламбур кочевнику понравился, и он позволил себе скупую улыбку. Не взглянув больше на гостя, вразвалочку поковылял к шатрам. «Проявил высшую форму доверия к чужеземцу, – отметил Хват. – Спиной повернулся. Значит, примут нас здесь хорошо». Негромко свистнув, он подал знак Вислоухому, и тот покинул заросли колючего кустарника, где прятался до сих пор. В маленьком отряде, отправившемся к Вождю степняков, Хват исполнял обязанности разведчика и дипломата, а Кару досталась должность носильщика и няньки при малолетней содержанке Судьи.

Неделю назад, произнося напутственные слова, он внезапно помрачнел, а затем сказал:

– Непокойно на душе... Берите с собой Бяшку. Чую, оттого и не выявили мои шпионы информатора, который на Верховного работает, что отверженцем он является. У степняков совсем другое отношение к Даром Наложённым. Не боятся они их. Может, оттого, что Дар больше у их женщин проявляется.

Считается, что мужчинам Дар ни к чему. Мужское дело – война. Если и рождается мальчишка со скрытыми способностями, то так и остаются они в зачаточном состоянии. Разве что врагов ему удаётся чувствовать лучше, успеваешь предугадывать, с какой стороны атака пойдёт в бою рукопашном, на упреждение успешно действует. По агентурным данным, самые лучшие воины степняков, так или иначе, Даром отмечены. Едва ли они осознанно могут его применять, или определять других отверженцев. Ищите в окружении Вождя человека неприметного, но при Тын-Карантыне состоящего. Ближний слуга, постельничий, евнух при гареме. Это может быть кто угодно, но только не воин. Как только вы оба прибудете в ставку Вождя Великого Гурта, где бы она сейчас ни находилась, сразу же попадёте в поле зрения агента Верховного. Его нужно вычислить раньше, чем он сумеет навредить вам. В том, что попытки будут, я не сомневаюсь. Выявить угрозу поможет Бяшка. Берегите её. Дорога дальняя и небезопасная.

Хват не поверил своим ушам, но перечить не посмел. Проведя немало времени на посту шефа Тайной сыскной канцелярии, он убедился в умении Судьи просчитывать до мелочей возможные риски. И если сказано было взять с собой Бяшку, так тому и быть. «Небезопасной» дорогу мог назвать только отъявленный оптимист, или любимчик Ушедших богов. Хвату хотелось верить, что к последним Судья и относится. Работая на такого человека, вправе ожидать, что удача не обойдёт стороной. Таким образом, отряд в один момент увеличился в размере до трёх человек, сразу же потеряв в мобильности, скрытности и боеспособности.

Кар Вислоухий хоть и серьёзно уступал Хвату по части навыков выживания и боевой выучки, но обладал немалым жизненным опытом, в быту был неприхотлив и умел терпеть лишения и тяготы службы в Тайной сыскной канцелярии. Не то, что Бяшка. Она не успела привыкнуть к роскошной жизни во дворце Судьи, но и раньше ей не приходилось по полдня лежать на голой земле, затаившись, чтобы не выдать своего присутствия. Неподготовленному человеку трудно бежать со всех ног, успевая скрыться, прежде чем конный разъезд степняков заметит чужестранцев. К тому же, никогда не бывавшая в южных районах Бяшка сильно страдала от иссушающей жары и недостатка питьевой воды.

Вот и сейчас Вислоухий на себе вынес из кустов всю поклажу отряда, а заодно и девушку, находившуюся в полуобморочном состоянии. Хват вытряс из бурдюка с водой последние капли, смочил ими пересохшие потрескавшиеся губы Бяшки. Не открывая глаз, она жадно потянулась навстречу живительной влаге и обиженно всхлипнула, когда поняла, что утолить жажду не сможет.

– С кочевником я договорился. Послеполуденную жару переждём в этом гэре, – хрипло произнёс Хват в ответ на красноречивый взгляд выглядевшего безмерно уставшим Кара. – Возможно, даже заночуем. Запасы воды, думаю, тоже удастся пополнить. Останемся здесь, пока не выясним, куда переместилась ставка Вождя Великого Гурта. Без этих сведений двигаться дальше – смерти подобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.